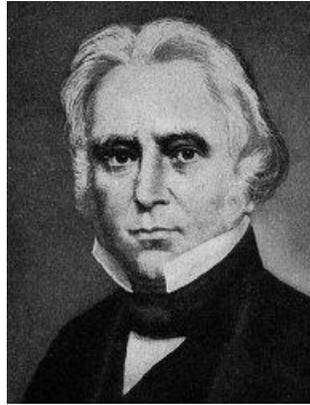

ТОМАС МАКОЛЕЙ (1800-1859)

Замечательный английский историк, поэт, юрист и государственный деятель Томас Маколей (Thomas Babington Macaulay, 1800-1859) прославился своими блестящими речами в Парламенте, и, услышав выкрик "Маколей выступает!" (Macaulay is up!), даже самые ленивые члены Парламента торопились из буфета в зал заседаний. Сам Маколей выбрал, однако, литературную, а не политическую карьеру. Его пятитомная "История Англии" (*History of England from the Accession of James II*, опубл. в 1848-1861) принесла ему подлинную славу...

Маленький Том научился читать в три года, а в возрасте 8-ми лет он торжественно преподнёс родителям свой первый исторический труд, озаглавленный "Всемирная история" и охватывающий период от сотворения мира до 1808-ого года. Его родители (особенно – отец), заметив в своём ребёнке признаки необыкновенного дарования ("marks of uncommon genius"), опасались, что это его испортит, и всячески старались развить в своём сыне скромность и почтительность к авторитетам.

В 25 лет он начал печатать свои "критические и исторические опыты" в *Edinburgh Review*; очерк о Мильтоне принёс ему известность.

В 30 лет он был избран членом Парламента. Выступая в Парламенте, он никогда не сомневался в своей правоте. "Хотел бы я хоть во что-нибудь верить так, как Маколей верит во всё, что он говорит", – заметил как-то английский премьер-министр лорд Мельбурн (Melbourne). Никаких других цветов и оттенков в политике, кроме чёрного и белого, для Маколея не существовало, что и помешало ему добиться наивысших достижений на политическом поприще, где больше всего ценится умение договариваться и идти на компромисс.

Принимая во внимание его связи в Парламенте и в Правительстве, в 1834-ом году ему предложили стать членом Высшего совета богатейшей Ост-Индской Компании (East India Company) с жалованием 10 тысяч фунтов стерлингов в год (это было в сто раз больше, чем тогдашняя зарплата квалифицированного английского рабочего). Во время службы в Ост-

Индской Компании Маколей практически единолично составил индийский Уголовный кодекс (Indian Criminal Code of 1837). За те шесть лет, пока он служил в Компании, он заработал достаточно денег, чтобы посвятить себя литературной деятельности. Его знаменитые эссе, опубликованные ранее в *Edinburgh Review*, были изданы в трёх томах в 1843-ем году, а первый том его "Истории" вышел из печати в 1848-ом году...

Томас Маколей умер в своём кабинете среди книг, сидя в своём любимом кресле...

Из вступительной статьи Ипполита Тэна¹:

Первое достоинство журналиста заключается в том, чтобы заставить людей читать свои публикации. Пять томов его "Опытов", опубликованных в виде отдельных статей в "Эдинбургском обозрении", были для Маколея хорошей школой. Его заметили. Его публикации читали с интересом.

Эти очерки ("опыты") хороши тем, что их можно читать в любом порядке, прочитывая внимательно только то, что вам особенно интересно, и быстро пробегая глазами или даже пропуская рассказы о людях и событиях, которые не представляет для вас большого интереса.

Маколей смотрит на философию как англичанин, то есть с практической точки зрения. Он ставит Фрэнсиса Бэкона выше всех философов и говорит, что все умозрения древних мыслителей – это просто игра ума; что в течение двух тысяч лет человеческий ум шёл ложным путём, и что только со времени Бэкона он узнал *цель*, к которой он должен стремиться. Эта цель – *польза*. Цель науки не теория, а её применение на практике. Одна только часть философии нравится людям такого склада: нравственность (этика)...

Биографии Маколея представляют собою скорее оценку, чем портреты. Маколей – это либерал в самом широком и прекрасном смысле этого слова. Он требует, чтобы все граждане были равны перед законом, он горячо выступает против какой-то одной официальной, государственной религии. Любовь к справедливости – это его чувствительная струнка: дотрагиваясь до неё, "мы хватаем писателя за сердце". Маколей любит свободу, потому что политическая свобода – это единственная гарантия имущества, счастья и жизни частных лиц; потому что она составляет силу и славу Англии и предохраняет эту страну от кровавых революций.

В Маколее читателя и слушателя поражает чрезвычайная основательность ума: всё, что он говорит, он доказывает с удивительной силой и убедительностью. В Парламенте его речи любили слушать даже те, кто был с ним не согласен.

В "Истории Англии" Маколей выбрал ту эпоху, которая более всего подходила к его политическим убеждениям, к его образованию, к его стилю. Он описывает утверждение английской конституции и группирует всю остальную историю вокруг этого события – "самого прекрасного" для англичанина. Автор поочерёдно становится то экономистом, то литератором, то публицистом, то артистом, то историком, то биографом, то рассказчиком,

¹ Маколей. Полное собрание сочинений. СПб., М., 1866, т. 1.

то философом. Этим разнообразием роли он подражает разнообразию жизни человеческой и представляет глазам и уму читателя полную историю своей любимой Англии.

Важное качество его "Истории" составляет её ясность. Искусство развивать мысль доведено у Маколея до совершенства. Хорошая аргументация и непрерывный поток красноречия помогают автору удержать внимание читателя.

по поводу изданной в 1825 году книги Мильтона "Трактат о христианском учении"²

По мере того, как просвещение продвигается вперёд, поэзия почти неминуемо приходит в упадок. В просвещённом обществе люди будут судить и сравнивать, но не будут творить.

Первые деятели на поприще опытных наук находятся в весьма невыгодном положении: их ученики, при гораздо слабейших умственных способностях, быстро превосходят их в положительных знаниях. Способный человек, прилежно занимавшийся несколько лет математикой, может сегодня узнать больше, чем знал великий Ньютон после 50 лет исследований и размышлений... Но не то с музыкой и живописью. Анализ – не дело поэта. Его обязанность – рисовать, а не анатомировать.

Король английский Карл не был папистом. Но, отрекшись от невинных символов папизма, он сохранил все наихудшие его пороки: подчинение разума авторитету, предпочтение формы содержанию, ребяческую страсть к обрядами и беспощадную нетерпимость.

Мы не одобряем казнь Карла не потому, что он её не заслуживал. А потому, что она много повредила делу свободы.

Наши предки знали, чего они хотели. Они первоначально боролись не против папизма, а против тирании. Они изгнали тирана не потому, что он был католик. Они не хотели допустить на престол католиков потому, что считали их склонными к тирании.

Междоусобная война, несомненно, причинила много зол. Они были ценой нашей свободы. Приобретение это стоило ли жертвы?

Мы оплакиваем насилия, сопровождавшие революцию. Но неистовство этого насилия было пропорционально свирепости и невежеству народа, а свирепость и невежество народа были пропорциональны притеснению и унижению, под гнётом которых проводил он свою жизнь.

Стоп! Так можно оправдать любого убийцу-разбойника на том основании, например, что у него было трудное детство...

NB Во всех революциях мы всегда видим сначала худшую их сторону. Пока люди не побудут некоторое время свободными, они не знают, как пользоваться своей свободой.

² John Milton (1608-1674)

Непосредственным результатом свободы часто бывают гнусные преступления и враждебные друг другу заблуждения. Но конечные плоды свободы суть мудрость, умеренность и милосердие.

О значении любой революции следует судить не по намерениям восставших, а по конечным результатам восстания. Несомненно, что результаты эти будут и хорошими, и дурными. И только через 100 лет после революции можно будет сказать с некоторой уверенностью, оправдала ли революция принесённые ей жертвы...

Против зол, порождаемых новоприобретённой свободой, есть только одно средство, и это средство – свобода. Узник, освобождённый из темницы, поначалу не может распознавать цвета и лица. Но это не значит, что надо его отправить назад в темницу. Необходимо приучить его к солнечным лучам.

Многие политики нашего времени считают, что ни один народ не должен быть свободным, пока он не достигнет умения пользоваться своей свободой. Это напоминает мне человека, который боится войти в воду, пока не научится плавать...

В условиях свободы люди в несколько лет научаются правильно мыслить.

Эх, если бы всё было так просто! Для того, чтобы научиться разумно пользоваться своей свободой большинству людей нужны не годы, а столетия!

Мильтон не был ни пуританином, ни роялистом, ни вольнодумцем. Он соединял в себе лучшие черты всех этих партий, отвергая их худшие черты. Его нападки были направлены не столько против частных злоупотреблений, сколько против тех глубоко укоренившихся заблуждений, на которых основаны почти все злоупотребления: против рабского поклонения авторитетам и неразумной боязни нововведений.

по поводу изданного в 1825 году в Париже Полного собрания сочинений Макиавелли³

Благоразумные люди всегда были склонны смотреть с недоверием на ангелов и демонов толпы.

Макиавелли всю жизнь был ревностным республиканцем. В том самом году, когда он составил своё руководство к искусству царствовать, он подвергся тюремному заключению и пытке. Трудно понять, почему мученик свободы умышленно действовал как апостол тирании.

! Дело искусного вероломства и дело патриотического самоотвержения вызывают одинаковую степень почтительного удивления.

³ Niccolò Machiavelli (1469-1527)

Потомство слишком часто обманывается гиперболами поэтов, ошибочно принимающих придворный блеск за народное благосостояние.

Борджиа начал употреблять для самых полезных целей ту власть, которой он достиг самыми гнусными методами.

Макиавелли глубоко скорбел о бедствиях своей родины. Поэтому он начертил план, делающий честь и сердцу, и уму его: план об отмене употребления наёмных войск и об устройстве национальной милиции. Поначалу этот план успешно осуществлялся, но в конце концов общественные заслуги Макиавелли были награждены нищетой, тюремным заточением и пыткой...

Трактат "Государь" был написан после падения республиканского правления. Автор посвятил свою книгу Лаврентию Медичи. Многие увидели в этом политическое отступничество. Но будучи страстным флорентийским патриотом, Макиавелли, отчаявшись в возможности сохранить свободу Флоренции, готов был поддерживать *любое* правительство, которое могло защитить её независимость.

В его политическом плане средства были обдуманы лучше, чем цели. Он не сознавал, что *общественные* законы существуют только для увеличения *частного* благополучия. Целью его было благо целого, несовместимое с благом составляющих это целое частей. Он высоко ценил те меры, которые делают народ грозным для соседей и недооценивал те, которые содействуют внутреннему благосостоянию народа.

по поводу изданной в 1827 году книги Галлама "Конституционная история Англии"⁴

История в её идеально-совершенном виде состоит из поэзии и философии. Но на деле никогда не случалось, чтобы эти два элемента полностью сливались в одно целое.

Сделать прошедшее настоящим, приблизить отдалённое, перенести нас в общество великого человека, провести нас по жилищам наших предков, обшарить их старомодные гардеробы... – все эти обязанности историка присвоили себе сочинители исторических романов. С другой стороны, руководить нашими мнениями о людях и событиях, открывать связь между причинами и их следствиями, извлекать из прошедшего уроки политической мудрости... – это тоже стало делом особого класса писателей.

У образованных народов даже самые самовластные правительства допускали свободу в применении правосудия к частным тяжбам. Едва ли можно доказать, что право вмешиваться в тяжбы между частными лицами составляет одну из справедливых принадлежностей исполнительного правительства.

⁴ Henry Hallam (1777-1859)

Наше мнение о короле Карле I хуже того, которое составил себе м-р Галлам. Закоренелая ненависть к свободе, лежавшая в основе общественной деятельности этого короля; бесцеремонность, с какою он решался на всякое средство для достижения своей цели; готовность, с какою он давал обещания, и наглость, с которою он нарушал их; жестокое равнодушие, с которым он избавлялся от людей, не нужных ему более для исполнения его замыслов, – всё это делало из него опасного врага конституции.

Всё, что Маколей ставит в вину Карлу I, может относиться к любому консервативному политику. Особая опасность короля для английской конституции заключалась, видимо, в его могуществе. Но и могущество это, как показали дальнейшие события, было иллюзорным...

Попытка короля арестовать пятерых членов Парламента ознаменовала начало войны.

Даже самые верные роялисты испытали при этом такой стыд, что не могли одобрить этого поступка. Они сохраняли молчание, но это молчание в их положении было красноречивее гневных протестов сторонников народной партии. С этой минуты верноподданническое доверие, с которым большинство народной партии привыкло смотреть на короля, обратилось в ненависть и неизлечимую недоверчивость.

Этот эпизод многое говорит о свободолюбии англичан, для которых грубое вмешательство высшей власти в деятельность народных избранников казалось неслыханным по своей несправедливости! Это вам не русская Дума, которая аплодирует *любому* решению самодержца!

NB Вошло в моду говорить, что успехи цивилизации благоприятствуют свободе. Но из этого правила есть исключения. Когда бедный и грубый народ, живущий под ограниченным монархическим правлением, достигает вдруг значительного увеличения своего богатства, ему предстоит вероятность вскоре подпасть под абсолютную власть.

Обширные корпорации гораздо легче впадают в заблуждения, чем отдельные лица. Людям свойственно сочувствие к несчастьям отдельной личности, но на упавшую политическую партию они склонны смотреть более с презрением, чем с жалостью. И король, и парламент оказались заложниками армии, и та власть, за которую они боролись, сосредоточилась в других руках... Так несчастья превратили величайший из парламентов в презренное "охвостье", а худшего из королей – в блаженного мученика.

Никакой необходимости в казни Карла не было. К тому времени он уже потерял доверие всех партий и никакой опасности для государства не представлял.

Но он загораживал Кромвелю путь к высшей власти...

Люди, умирающие на эшафоте за свои политические убеждения, часто умирают с достоинством. На них устремлены взоры тысяч зрителей. Каждое их слово должно войти в историю. Бегство невозможно. Мольбы бесполезны. В подобном положении гордость и отчаяние нередко побуждают даже самых малодушных людей к мужеству, соответствующему обстоятельствам. Карл умер с достоинством, ! и бывшие подданные его стали так же любить его память, как ненавидели его личность...

! Люди, которые очаровывали свирепые умы народов и подчиняли своей воле разъярённые партии, – это великие люди. Такого рода дело, хорошо оно или дурно, требует истинно великого человека. Оно требует отваги, деятельности, энергии, мудрости, твёрдости, ярких добродетелей или пороков (которые блеском своим могли бы походить на добродетель). Наследники свободы, отцы тирании... Царствование их сверкает двойным светом: последними и самыми дорогими лучами исчезающей свободы и первым (и самым ярким) блеском империи при её рассвете.

Цезарь, Кромвель, Наполеон, Сталин... Не знаю, встанет ли в этот ряд Путин. Внешние обстоятельства ему благоприятствуют, но масштаб личности не тот...

Различие между этими деятелями зависит не от их личных качеств, а от характера тех революций, которые привели их к власти. Революция в Англии уничтожила исполнителей законов, но не законы как таковые. Революция во Франции уничтожила и законы, и их исполнителей.

К чести французов надо сказать, что просвещённый деспотизм Наполеона породил лучший в мире Гражданский кодекс. А вот звериный деспотизм Сталина породил только бессовестный произвол его ничтожных последователей. Что породит "мягкий" деспотизм Путина? Войну всех против всех? Полный развал государства? Всемирную ядерную катастрофу?

Поклонники английского архитектора Иниго Джонса (Jones) всегда утверждали, что его работы ниже работ знаменитого Кристофера Рена (Wren) потому только, что Великий лондонский пожар 1666 года открыл для Рена такое широкое поле для обнаружения его таланта, какое не представлялось ни одному архитектору в мире. То же можно сказать в пользу Кромвеля. Если он мало воздвиг нового, то это только потому, что не было такого опустошения, которое очистило бы для него место.

Прекрасное наблюдение. Возможно, что и величие Сталина основано как раз на том, что он строил на пустом месте, и что бы он ни построил, было лучше, чем ничего! Какой ценой – это другой вопрос...

Кромвель ввёл однообразие в отправление правосудия по всей стране.

Есть немало людей, отличающихся в низших должностях и обнаруживающих свою неспособность как только общественный голос призывает их стать во главе движения. Кромвель – был просто создан для верховной власти. Чаша, которая опьяняла почти всех других правителей, его отрезвляла. Даже его враги признавали, что он проявлял в своём обращении простое и естественное благородство человека, который не стыдился своего происхождения и не чванился своим возвышением. Никакой монарх не приносил на престол лучшие качества среднего сословия и такую сильную симпатию к чувствам и интересам своего народа.

Во всех волнениях человеческого ума, направленных к великим переворотам, бывает момент во время которого умеренная уступка может всё исправить, примирить и сохранить.

Ах, если бы только глупые русские понимали в 1917 году то, что уже давно было известно мудрым англичанам!..

по поводу изданных в 1829 году "Бесед" (*Colloquies*) Роберта Саути⁵

С большим сожалением заметили мы странное самообольщение, побуждающее поэта покидать те отрасли литературы, в которых он мог бы иметь успех, и приниматься за поучение публики в тех науках, в которых ему следовало бы заняться азбукой.

Саути прилагает к своей задаче две способности, которыми, как нам кажется, ещё ни одно человеческое существо не было одарено в такой сильной мере: способности верить без всякого основания и способности ненавидеть без всякого повода.

Политическая система его представляет именно то, чего можно ожидать от человека, который смотрит на политику не как на дело науки, а как на дело вкуса и чувства.

Замечено, что различие вкусов порождает между людьми большее озлобление, чем несогласие в мнениях по поводу научных предметов.

Правитель имеет интерес охранять своих подданных от всевозможных убытков и обид, кроме происходящих от него самого, и даже под самыми худшими правительствами в мире люди находятся в лучшем положении, чем находились бы в состоянии анархии.

Ни один из способов назначения правителей – ни народное избрание, ни случайность жребия, ни случайность рождения – не представляет большого ручательства в том, что назначенные люди умнее, чем кто-либо из их соседей. А чтобы они были умнее всех своих соседей, взятых вместе, – это ещё менее правдоподобно.

NB Для народа, не выдрессированного с самого рождения [т. е. для англичан], ничто не может быть возмутительнее, чем "отеческое", во всё вмешивающееся правительство, которое предписывает народу, что ему следует есть и пить, что читать и говорить, какую одежду носить (или не носить). Отцы наши не могли этого выдержать 200 лет тому назад, а мы не терпеливее их...

А в России никакого другого правительства, кроме "отеческого" за всю историю ни разу и не было... Впрочем, и современные англичане (особенно – недавние иммигранты) всё больше привыкают к "отеческому" правительству...

Общий взгляд, который он бросает на будущность общества, очень мрачен, но мы успокаиваемся той мыслью, что м-р Саути не пророк.

⁵ Robert Southey (1774-1843)

Пусть те, кто грустит по "старым добрым временам", вспомнят, что в правление Генриха VIII от руки палача погибли 72 тысяч человек, и потом решат, какой век лучше: XVI или XIX...

Мы полагаемся на естественное стремление человеческого ума к истине, а общества – к усовершенствованию.

по поводу книги Мура (Moore) "Письма и дневники лорда Байрона" (Лондон, 1830)⁶

Эта книга имеет право стать в ряду лучших образцов английской прозы, произведённых нашим веком.

Когда Байрон вступил в свет, свет обращался с ним так же, как обращалась с ним мать: иногда ласково, иногда жестоко, но никогда – справедливо... В 24 года он оказался на самой вершине литературной славы. Потом наступила реакция. Его превозносили с неразумным обожанием – и преследовали с неразумной яростью.

Молодые люди из тех, что читали почти исключительно только художественную литературу, боготворили Байрона. Они покупали его портреты, сохраняли малейшую вещь, напоминавшую о нём, старались писать, как он, и быть внешне похожими на него. Многие из них упражнялись перед зеркалом в надежде усвоить себе изгиб его верхней губы или нахмуренное чело, замечаемые на некоторых его портретах. Или, в подражание своему кумиру, переставали носить галстуки. Университеты наполнились молодыми студентами, естественные страсти которых сгорели дотла и которые были лишены способности плакать... В умах многих из них родилась вредная и нелепая связь между понятиями об умственной силе и нравственной испорченности... Это увлечение уже прошло. Ещё несколько лет – и исчезнут последние остатки той магической силы, которая соединялась некогда с именем Байрона. Для нас он ещё остаётся необыкновенным человеком. Для наших детей он будет уже только писателем. Стихотворения его подвергнутся строгому разбору, и многое из того, что возбуждало удивление его современников, будет отвергнуто как не стоящее внимания. Но мы не сомневаемся в том, что и после этого останется многое, что погибнет только вместе с английским языком.

по поводу книги лорда Наджента (Nugent) "Некоторые материалы, относящиеся к жизни Джона Гампдена" (Лондон, 1831)⁷

С самых ранних времён англичане пользовались гораздо большею свободой, нежели какой-либо соседний народ. Каким образом случилось, что страна, побеждённая и порабощённая пришельцами и попавшая в руки тирании, страна, законы которой были

⁶ George Byron (1788-1824)

⁷ John Hampden (1595-1643)

написаны на чужом языке, могла сделаться местом гражданской свободы и предметом удивления и зависти окружающих государств, – это составляет одну из самых тёмных загадок исторической философии.

Карл I не был похож на своего отца. Он не был ни слюнтяем, ни шутом, ни трусом. Нелепо было бы отвергать в нём учёного и джентльмена, человека с отличным вкусом по части изящных искусств и строгой нравственности в частной жизни. Но он совершенно не знал своего народа и не замечал признаков своего времени. И народ, давно переставший любить его и доверять ему, перестал, наконец, и бояться его.

Первый его парламент собрался в июле 1625 года. Король требовал денег. Парламент требовал исправления злоупотреблений...

В 1637 году дурное управление достигло своей высшей точки. Джон Гампден и его двоюродный брат Оливер Кромвель погрузились на корабль и готовились отплыть в Северную Америку. Неожиданно явился приказ, воспрещавший отплытие этого корабля (и ещё семи кораблей с эмигрантами). Судьба английского короля была в этот день решена...

Революции избежать, наверное, не удалось бы. Но, оказись у революционеров менее решительные лидеры – Карлу, возможно, сохранили бы жизнь...

В апреле 1640 года собрался парламент, и королю представился случай помириться со своим народом. Король этот шанс не использовал. Он не только распустил парламент, но и бросил в темницу многих видных членов Палаты общин... 3 ноября 1640 года в Лондоне собрался новый парламент – вовсе не такой миролюбивый, как апрельский. ! Этому парламенту предстояло сначала стать властелином своего властелина, а потом – слугой своих слуг...

В этом парламенте сложилась, впрочем, умеренная партия, опираясь на которую король мог ещё удержать власть. Но Карл сделал ещё одну (теперь уже роковую) ошибку: он приказал арестовать и обвинить в государственной измене пятерых самых влиятельных членов Палаты общин (включая Гампдена). Этим пятерым удалось вовремя скрыться в лондонском Сити.

Сегодня Сити состоит из контор, посещаемых приказчиками в течение дня и пустующих ночью. Но тогда в Сити не только трудились, но и жили 300 тысяч лондонцев, и район Сити, со своим особым военным и гражданским устройством, был твердыней общественной свободы.

11 января 1641 года пятеро парламентариев, обвинённых Карлом в государственной измене, в сопровождении лондонской милиции торжественно возвратились в Парламент, а испуганный Карл бежал из дворца, который он снова увидит только восемь лет спустя – перед тем, как взойти на эшафот.

Замечательно то обстоятельство, что офицеры королевской армии, изучавшие военное дело в лучших школах Европы, выказали гораздо меньше искусства, чем командиры,

воспитанные для мирных занятий и никогда не видавшие боя, пока не вспыхнула гражданская война. Гампден получил чин полковника и пользовался в войсках большим авторитетом, чем главнокомандующий; он имел все шансы возглавить парламентскую армию, но он погиб в случайной стычке с королевскими войсками.

А иначе лордом-протектором мог бы стать Гампден, а не Кромвель...

по поводу книги Этьена Дюмона (Dumont) "Воспоминания о Мирабо" (Париж, 1832)⁸

Выдающиеся французские писатели отличались точностью и сжатостью стиля.

Философия Бэкона и Бентама не была популярна в Англии до тех пор, пока она не пришла туда из-за границы в точном и сжатом французском переводе.

Книга была написана в 1799 году, когда бедствия, сопровождающие каждую великую перемену, ещё сильно чувствовались, а благодеяния были ещё впереди. Высокая цена была уже заплачена, а товар ещё не получен... Владычество террора уже прошло, но владычество закона ещё не настало... Франция была в том положении, в которое революции, произведённые насилем, почти всегда ставят нацию. Привычка к повиновению утратилась. Правительство опиралось только на военную силу и никаким нравственным влиянием не пользовалось. Законы о свободе слова не исполнялись. Корабли были нагружены писателями и ораторами, которые направлялись, без всякого суда, умирать от лихорадки в Гвиане.

Из Декларации прав человека и гражданина (фр. Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen)

Эта Декларация – важнейший документ Великой французской революции, определяющий индивидуальные права человека. Декларация была принята французским Национальным учредительным собранием 26 августа 1789 года.

Представители французского народа, образовав Национальное собрание и полагая, что забвение прав человека или пренебрежение ими являются единственной причиной общественных бедствий и испорченности правительств, приняли решение изложить в торжественной Декларации естественные, неотчуждаемые и священные права человека, чтобы... требования граждан, основанные отныне на простых и неоспоримых принципах, устремлялись к соблюдению Конституции и всеобщему благу. Соответственно, Национальное собрание признаёт и провозглашает перед лицом и под покровительством Верховного Существа следующие права человека и гражданина:

⁸ Comte de Mirabeau (1749-1791)

Статья 1

Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе.

В статье 6 говорится, что эти различия могут быть обусловлены "добродетелями и способностями" людей, а "общая польза" не упоминается.

Статья 2

Цель всякого политического союза – обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковые права – свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению.

Статья 3

Источником суверенной власти является народ. Никакие учреждения, ни один индивид не могут обладать властью, которая не исходит явно от народа.

Статья 4

Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти могут быть определены только законом.

Статья 5

Закон имеет право запрещать лишь действия, вредные для общества. Всё, что не запрещено законом, то дозволено и никто не может быть принуждён делать то, что не предписано законом.

Статья 6

Закон есть выражение общей воли. Все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в его создании. Он должен быть единым для всех – охраняет он или карает. Все граждане равны перед ним и поэтому имеют равный доступ ко всем постам, публичным должностям и занятиям сообразно их способностям и без каких-либо иных различий, кроме тех, что обусловлены их добродетелями и способностями.

Статья 7

Никто не может подвергаться обвинению, задержанию или заключению иначе, как в случаях, предусмотренных законом и в предписанных им формах.

Статья 8

Закон должен устанавливать наказания лишь строго и бесспорно необходимые; никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, принятого и обнародованного до совершения правонарушения.

Статья 9

Каждый считается невиновным, пока его вина не установлена.

Статья 10

Никто не должен быть притесняем за свои взгляды, даже религиозные, при условии, что их выражение не нарушает общественный порядок, установленный законом.

Статья 11

Свободное выражение мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека; каждый гражданин поэтому может свободно высказываться, писать, печатать, отвечая за злоупотребление этой свободой лишь в случаях, предусмотренных законом.

Статья 12

Для гарантии прав человека и гражданина необходима государственная сила; она создаётся в интересах всех, а не для личной пользы тех, кому она вверена.

Статья 13

На содержание вооружённой силы и на расходы по управлению необходимы общие взносы; они должны быть равномерно распределены между всеми гражданами сообразно их возможностям.

Статья 14

Все граждане имеют право устанавливать сами или через своих представителей необходимость государственного налогообложения, следить за его расходованием и определять его долевого размер, основание, порядок и продолжительность взимания.

Статья 15

Общество имеет право требовать у любого должностного лица отчёта о его деятельности.

Статья 16

Общество, где не обеспечена гарантия прав и нет разделения властей, не имеет Конституции.

Статья 17

Так как собственность есть право неприкосновенное и священное, никто не может быть лишён её иначе, как в случае установленной законом явной общественной необходимости и при условии справедливого и предварительного возмещения.

Французы в одну ночь уничтожили привилегии, многие из которых имели характер собственности, и с которыми, поэтому, следовало поступать весьма осторожно.

NB Ломка, без сомнения, есть общенародное дело. Но высшая слава государственного человека состоит в строительстве.

Есть естественный и почти всемирный закон: веку хорошего управления, умеренной свободы и либерального порядка обычно предшествует век восстаний и изгнаний.

После ужасов Французской революции многие либералы разочаровались в идеалах свободы. "Отрубленные головы, пляшущие на копьях, – вот что значит дать свободу тем, кто не имеет ни добродетели, ни мудрости", – говорили они. Однако, если мы сравним настоящее состояние Франции (1832) с её состоянием 40 лет тому назад (1792), то мы найдём огромные перемены к лучшему.

! В истории – герой и политик нередко исчезает в пустом и слабом тиране, ничтожном в войне, ничтожном в правлении, ничтожном во всём, кроме искусства притворяться великим.

Что правительства существуют единственно для блага народа, есть, кажется, самая ясная и простая из всех истин.

Я бы сказал: "Что правительства существуют единственно для блага народа, есть, кажется, самое распространённое и устойчивое заблуждение"...

История доказывает, однако, что истина эта – одна из самых тёмных. Она бывает исключительно редко присуща умам правителей.

Во главе Французской революции стояли люди денег и люди литературы – оскорблённая гордость богатства и оскорблённая гордость ума.

по поводу книги "Письма Горация Уолпола, изданные лордом Довером (Dover)" (Лондон, 1833)

Роберт Уолпол⁹ был самым эксцентричным и самым капризным из людей. Его черты были покрыты маскою под маской, и когда он снимал её, вы по-прежнему не могли видеть настоящего человека. Он всегда играл, играл бесчисленные роли... Порою он считал серьёзные дела пустяками, а пустякам придавал значение серьёзных дел... Он любил борьбу партий, он любил ссору и, поссорив двух государственных людей, получал удовольствие, наблюдая за их затруднениями и взаимными обвинениями.

Роберт Уолпол был лучше всех знаком с тем, что ему и следовало знать: с натурою человека, с английской нацией, с королевским двором, с Палатой общин и с казначейством. Он был превосходный парламентский боец и тактик. В продолжение 30 лет он ничего не видел а людях, кроме самых дурных сторон человеческой природы. Но после 20 лет у власти он сохранил простоту, откровенность и способность к дружбе.

Он не был кровожадным. С милосердием, которому потомство никогда не отдавало справедливости, он позволял противодействовать себе, ругать себя и в конечном итоге быть свергнутым партией, заключавшей в себе много людей, головы которых были в его власти.

⁹ Robert Walpole (1676-1745)

по поводу книги Ф. Тэккерея (Francis Thackeray) "История достопочтенного Уильяма Питта, графа Чатама" (Лондон, 1827)¹⁰

Биографы, переводчики, издатели очень часто подвержены "профессиональной" болезни – болезни благоговения...

Питт обладал мужественным, возвышенным и повелительным умом гениального человека, но он был актёром – актёром в правительстве, актёром в парламенте; даже в частном общении он не мог избавиться от театрального тона и театральных поз... Он мог бы в каком-нибудь сильном порыве погубить свою страну, но он никогда не унизился бы до того, чтобы обкрадывать её. Его ошибки исходили не от гнусного желания прибыли, а от ненасытной жажды власти, славы и мщения.

Весьма естественно, что в монархии, в которой существует конституционная оппозиция, наследник престола находится во главе этой оппозиции. Он может быть только вторым в глазах господствующей партии, но в рядах оппозиции он неизбежно становится первым.

Питт был замечательным оратором. Голос его, даже понижаясь до шёпота, был слышен на самых отдалённых скамьях, а возвышаясь, он гремел как орган большого собора. Своими речами он производил огромное впечатление на слушателей и зрителей. Его невозможно было не слушать. Энтузиазм оратора заражал всех, кто его слушал. Но не только своему ораторскому искусству Питт был обязан своему влиянию в Палате общин, которым он пользовался тридцать лет. Он был мастером неподготовленной речи. Те его речи, которые были заранее подготовлены, нередко были наименее удачными.

Уолпол увидел в нём грозного соперника и уволил его со службы. Но Питт ничего не потерял. Он сделался камер-юнкером герцога Уэльсского и продолжал громить министров в своих парламентских речах.

по поводу книги Макинтоша "Истории английской революции в 1688 году" (Лондон, 1834)¹¹

В то время когда другие люди в своей оценке Французской революции бросались из крайности в крайность, Макинтош был просто умный человек, и перемена, которая произошла в его уме была переменной, которая произошла в уме почти всякого умного человека в Европе. Редкая умеренность и спокойствие его нрава сохранили его как от беспочвенных надежд, так и от безрассудного уныния. Ум его, несомненно, колебался, но крайние точки колебания не были слишком удалены одна от другой.

Надеемся, что нас не заподозрят в излишней привязанности к учениям и деяниям минувших времён. Наше верование состоит в том, что наука государственного управления – это наука опытная и что, подобно всем другим опытным наукам, она находится в

¹⁰ William Pitt, the elder (1708-1778)

¹¹ James Mackintosh (1865-1832)

состоянии прогресса. Нет человека, который стал бы отрицать, что медицина, химия, хирургия, инженерное искусство, мореплавание и т. д. лучше понимаются теперь, чем в любом предыдущем веке. Мы полагаем, что то же самое можно сказать и о политической науке... Видя то, что, по признанию даже самых упрямых врагов нововведений, род человеческий постоянно подвигается вперёд в знании, и не видя причины верить тому, что именно в наше время произошла решающая перемена в способностях ума человеческого, мы остаёмся на стороне прогресса. Разумеется, что мы должны смотреть на минувшее в свете нового знания. Разумеется, что мы должны указывать на ошибки замечательных людей прежних поколений. Но те же соображения, которые побуждают нас смотреть с пылкой надеждой на будущность, препятствуют нам смотреть с презрением на прошедшее.

Гнусные злоупотребления толпятся вокруг каждого великого события, вокруг каждого почтенного имени.

История Англии есть явным образом история прогресса. История Англии есть история великой перемены в нравственном, умственном и физическом состоянии обитателей нашего острова. Она содержит в себе много назидательных эпизодов, и нам доставляет удовольствие наблюдать те исторические шаги, благодаря которым Англия сделалась такою, какою мы её знаем и любим, – классической страной свободы, школой всякого знания, рынком всякой торговли.

В отличие от французских философов-просветителей, наши предки защищали права англичан, а не всех людей на земле.

по поводу нового издания сочинений Бэкона в 16 томах (Лондон, 1825-1834)¹²

Все мы склонны судить о других в зависимости от того, каким образом их характер воздействует на наши интересы и страсти. Трудно быть хорошего мнения о том, кто нам противоречит, но мы готовы извинить пороки того, кто нам полезен или приятен.

Долг образованного человека великим умам прошлого неисчислимо. Они сопутствовали ему во всех превратностях, были утешителями в горе, помощниками в болезни, товарищами в одиночестве. Умершие не могут для нас измениться. Фанатизм преданного гению поклонника устоит против любой очевидности и любых доказательств.

Люди охотно верят слухам, которые унижают гениев и утешают зависть тех, кто осознаёт себя посредственностью. Но в случае с Бэконом – не слухи, а факты свидетельствуют о том, до какой низости может прийти великий учёный в своей частной и общественной жизни...

¹² Francis Bacon (1561-1626)

Гений и злодейство совместимы! Бэкон употребил весь свой талант на то, чтобы отправить своего верного друга, заступника и благодетеля графа Эссекса на эшафот. С нравственной точки зрения, Бэкон был отвратительным человеком, способным на любое унижение, на любую мерзость, на любую подлость, чтобы выторговать себе очередную высокую должность или материальную награду. Он, например, лично присутствовал при пытке (притом, что пытка для государственных преступников была тогда формально запрещена) и лично допрашивал пытаемого престарелого священника, обвинённого в сочинении какой-то крамольной проповеди (которая, впрочем, никогда не была публично произнесена), а когда старик, несмотря на пытки, не признался в этом преступлении, Бэкон написал королю, что "преступник одержим дьяволом" и настаивал на смертной казни для несчастного... Конечно, не один Бэкон был такой. "Время было такое". При дворе было немало людей, о которых можно сказать словами Шекспира: "На их челе позор стыдился пребывать", – однако того, что можно считать ожидаемым со стороны людей, изначально низких и бессовестных, лишённых всякого величия, трудно было ожидать от великого учёного и философа...

Невозможно простить Бэкону – одному из самых образованных юристов своего времени – и пристрастное вмешательство в деятельность судов, и мздоимство. Он без зазрения совести принимал щедрые подарки от людей, дела которых решались в канцлерском суде. Понимал ли он, что он совершает преступление? Безусловно. Ему было 60 лет. Он был учёным с европейской известностью, способнейшим из государственных людей того времени. Он много размышлял об общих началах закона. Но жажда наживы оказалась сильнее абстрактных юридических принципов... В свободное от государственных забот время он удалялся в своё роскошное поместье, где он занимался литературой и садоводством, которое он называл "чистейшим и человеческих удовольствий".

В январе 1621 года он был на вершине всех своих достижений и благополучия. Но уже через несколько недель пришла расплата за богатство и власть, приобретённые бесчестным, неблагородным, безнравственным путём... Парламент обвинил канцлера во взяточничестве и прочих преступлениях, и даже заступничество короля не помогло остановить процесс. Удручённый Бэкон скрылся с глаз людских, но король отложил заседания парламента на три недели, и у Бэкона появилась надежда. "Те, кто сегодня посягают на канцлера, завтра будут посягать на корону", – заявил он. Однако на этот раз красноречие его не спасло. Он был приговорён к 40 тысячам фунтов штрафа и к тюремному заключению (срок – на усмотрение короля), ему также было запрещено занимать какие-либо государственные должности. Впрочем, приговор этот не был приведён в исполнение. В Тауэре Бэкон провёл только два дня, штраф король ему простил, а в 1624 году Бэкон стал членом Палаты лордов (на заседаниях которой он, впрочем, не присутствовал).

Ему была назначена большая пенсия, и хотя умер он (1626) терзаемый стыдом и позором, он до самой смерти жил в роскоши (которую он любил выставлять напоказ) и занимался научными исследованиями. Ему пришло в голову, что снег может предохранить мясо от гниения. Опыт с куриной тушкой, которую он набивал снегом, его и погубил. Бэкон простудился и неделей позже умер. До самой последней минуты он сохранял ясность ума и в своём последнем письме сообщал, что "опыт со снегом удался отлично".

В своём духовном завещании, признавая, что многие его проступки не могли вызвать уважения у современников, он не скрывает гордости своими научными и литературными

достижениями. "Что касается имени моего и памяти, – говорит он, – то я предоставляю это благосклонному суждению людей, чужеземным народам и следующему веку"...

Два слова определяют сущность научных взглядов Бэкона: польза и прогресс. Древняя философия презирала практическую пользу. Она не могла унизиться до скромной роли – служить улучшению благосостояния людей, она не могла опуститься до улучшения конструкции корабля или мельницы. Этот взгляд на философию в ясной форме выразил, например, Сенека: "В моё время – пишет он – были изобретения такого рода: прозрачные окна, трубы для распространения теплоты равномерно по всему дому, скоропись, которая позволяла дословно записывать речь самого быстрого оратора... Но изобретать такие вещи составляет труд рабов, тогда как предметом философии является образование души". "Нам, пожалуй, ещё скажут, что первый башмачник и был первый философ", – добавляет он.

По этому поводу Маколей с остроумной иронией говорит, что башмаки защитили ноги миллионов людей от сырости, а вот трактат Сенеки "О гневе" никого не уберёт от гнева...

Конечно, древние философы занимались и естественными науками, но не с целью увеличить власть человека над природой или улучшить его быт. Практические науки признавались полезными лишь для упражнения ума. Вот почему имена величайших изобретателей средних веков – давших нам порох и книгопечатание – остались нам не известны...

! Забавный пример придумывает Маколей: последователь старой философии и последователь философии Бэкона встречаются купца, который потерял всё своё богатство, потому что корабль с его деньгами и товарами затонул. "Теперь ты видишь, как неразумно было считать себя счастливым только потому, что ты был богат, – говорит старый философ, – но не печалься; главное, что сам ты остался жив, не утонул, а значит есть надежда, что в твоей жизни всё ещё поправится"... "Давай подумаем, как сделать водолазный колокол", – говорит последователь философии Бэкона.

Древняя философия принесла людям мало пользы, Но любое размышление всё же лучше, чем привычка к бездумному раболепию, – говорит Маколей. **!!!** Даже возможность выбирать тиранов лучше такого раболепия.

NB ! "Искра свободы произошла от столкновения с противоположным рабством", – заметил как-то Гиббон.

Делать людей совершенными – не входило в планы Бэкона. Его целью было доставление удобств несовершенным людям. По мнению Платона, человек был создан для философии. По мнению Бэкона, философия была создана для человека¹³, она была только средством для цели, а целью её было умножение удовольствий и уменьшение страданий миллионов людей. Платон считает целью законодательства – сделать всех людей добродетельными. Бэкон считает целью законодательства – сделать людей счастливыми. Цель, к которой должны быть направлены предписания законов, есть не что иное, как счастье граждан. А

¹³ Философия в те времена включала в себя любую науку, все науки.

счастье это будет достигнуто, когда граждане будут чисты в нравах и защищены оружием от внешних врагов, когда они будут ограждены законом от частных оскорблений, послушны правительству и богаты, – пишет Бэкон.

Конечно, требование нравственной чистоты, исходящее от человека вопиюще безнравственного, вызывает, в лучшем случае, усмешку. Насколько послушание правительству способствует счастью людей – это тоже спорный вопрос. Но главное здесь в другом: законы должны быть направлены ко благу законопослушных людей...

Нравоучители, – говорил Бэкон, – должны выяснить, какие воздействия производят на человеческий характер особенности воспитания, чтение тех или иных книг, потворство привычкам, соревнование с другими людьми и подражание. Тогда мы могли бы надеяться открыть, какой способ воспитания является наилучшим для того, чтоб восстановить или сохранить нравственное здоровье.

по поводу книги Томаса Кортни (Courtenay) "Мемуары о жизни, произведениях и переписке сэра Уильяма Темпля"¹⁴ (Лондон, 1836)

Деятели, стоявшие во главе Долгого парламента, отличаются от политиков следующего поколения всеми резкими очертаниями, какими разнятся люди, производящие революции, от людей, произведённых революциями.

Лидер в великом перевороте, человек, расшевеливший спящее общество и ниспровергший глубоко укоренившуюся систему, может, пожалуй, быть весьма испорченным человеком, но едва ли он может быть лишён некоторых качеств, вызывающих даже у врагов невольное удивление: твёрдости намерения, силы воли, энтузиазма, который торжествует над силою обстоятельств и противоборством строптивых умов. Цезарь, Магомет, Лютер, Робеспьер...

Характер людей, умы которых образуются среди замешательства, бывает совсем иной. Такие политические деятели, каковы бы ни были их природные способности и мужество, почти всегда отличаются непостоянством и готовностью предоставить направление своих действий судьбе и народному мнению. Привыкнув видеть, как всякая перемена начинается пламенной надеждой, а заканчивается разочарованием, они приучаются смотреть на планы реформ с недоверчивостью и презрением.

В глазах большинства людей последовательность считается пробным камнем честности общественного деятеля, что даёт им возможность составить довольно верную оценку характеров выдающихся личностей.

¹⁴ Sir William Temple (1628-1699)

по поводу книги Гладстона¹⁵ "Церковь и Государство" (*The State in its Relations with the Church*),
Лондон, 1839

Автор этого тома – молодой человек¹⁶ безукоризненного характера и замечательных парламентских талантов, который снискал себе уважение и расположение всех партий.

Политику часто приходится говорить и действовать прежде, чем он подумал и прочёл... Существует большая разница между действием слов, написанных и читаемых в тиши кабинета, и слов, сказанных – украшенных декламацией и жестами...

Говорят, что один из клиентов, для которого Лисий написал оправдательную речь, жаловался, что с первого раза речь ему очень понравилась, но после второго прочтения – не очень, а после третьего – она и вовсе не выглядела оправдательной. "Мой друг," – отвечал Лисий, – ты забываешь, что судьи будут слушать эту речь только один раз"...

То же бывает и в английском парламенте. Даже в запутанных вопросах торговли и законодательства талантливый оратор может произнести убедительную речь, не прочитав и десяти страниц и не потратив и десяти минут на размышление! Люди овладевают большими собраниями не с помощью точности и глубокомыслия, и хорошему оратору вовсе не обязательно тратить своё время на долгое исследование и размышление. Поэтому ожидать от активного политика серьёзной книги по политическим вопросам – это всё равно, что ожидать от аптекаря книги, подобной "Богатству народов" Адама Смита. Но бывают и исключения из этого правила. То, что молодой политик во время, свободное от парламентских занятий, создал и изложил с большим прилежанием и умственным трудом оригинальную теорию по сложному политическому вопросу, делает ему честь. Книга его, хотя и не очень хорошая с точки зрения логики и пр., обнаруживает более таланта, чем многие хорошие книги. Она изобилует остроумием и красноречием. Она носит отпечаток весьма терпеливого размышления, она написана с замечательным вкусом и в превосходном тоне. Но выводы автора представляются нам ложными и пагубными для существования общества... Вся теория м-ра Гладстона строится на том основном тезисе, что распространение религиозных истин есть одна и целей государства. И если этот тезис оказывается неверным, то вся теория рухнет как карточный домик.

NB Из того, что цели правления материальны, а не духовны, вовсе не следует, что материальное счастье человека важнее его духовного счастья. Вопрос в том – в какой степени материальные интересы общества способствуют развитию его духовных интересов.

Кажется, все согласны, что государство предназначено для защиты нашей личности и нашей собственности; что оно должно оборонять нас от внешних врагов; что оно должно побуждать нас к удовлетворению наших потребностей не грабежом, а промышленностью; что оно должно побуждать нас решать наши споры не силою, а третейским судом.

¹⁵ William Gladstone (1809-1898)

¹⁶ В 1839 году Гладстону было тридцать лет, Маколею – ещё не было сорока.

Всякий человек – будь он хоть магометанин или идолопоклонник, папист или атеист – старается избегать страданий, любит жизнь и желает удобств, которыми можно наслаждаться лишь в таком обществе, где собственность бывает в безопасности.

Мы думаем, что правительство, подобно всякому другому изобретению человеческой мудрости, может всего лучше соответствовать своей главной цели, когда при его устройстве имелась в виду единственно эта цель. Мы считаем главной задачей правительства чисто светскую задачу: защиту личности и собственности граждан.

Отсюда, однако, не следует, что правительства никогда не должны преследовать никакой иной цели, кроме главной. Так, цель, для которой выстроена больница, есть помощь больному, а не украшение улицы. Но если без пожертвования главной целью можно сделать здание больницы украшением столицы, то почему бы этого не сделать?

Покровительство искусствам не является для правительства главной целью. Но это не значит, что правительство не может открыть национальную картинную галерею...

Однако, очень трудным представляется вопрос о вмешательстве правительства в дело образования и воспитания и в особенности – религиозного воспитания и образования...

По нашим представлениям, гражданская неправоподобность по религиозному признаку не извинительна, потому что в данном случае правительство жертвует своей главной целью во имя второстепенной: неправоподобность граждан по религиозному признаку делает правительство менее успешным в достижении его главной цели, потому что такая неправоподобность ограничивает правительство в выборе способных людей для администрации и защиты государства.

из статьи "О Королевском литературном обществе" (1823)

Если это Общество получит власть поощрять таланты, то оно получит и власть угнетать их, и каждый человек, знакомый с историей цензуры, легко догадается, на что эта власть будет чаще всего употреблена...

Люди редко бывают в силах отыскать причину своего одобрения или неодобрения в вопросах вкуса и потому охотно подчиняются всякому авторитету в области литературы и искусства.

В картинной галерее или в лаборатории учёного люди встречаются на нейтральной почве и могут что-то хвалить или осуждать без всякого отношения к разделяющим их распрям. В литературном обществе это невозможно, потому что литература всегда была и всегда будет неразрывно связана с политикой и философией.

по поводу книги "Записки о жизни Уоррена Гастингса (Hastings)" (Лондон, 1841)¹⁷

Что бы мы ни думали о нравственности Гастингса, нельзя отрицать, что финансовые результаты его политики в Индии делали честь его дарованиям. Менее чем через два года после того, как он принял управление делами Ост-Индской Компании, он, ни налагая на подвластный ему народ ни одного лишнего бремени, увеличил ежегодный доход Компании на 450 тысяч фунтов и сверх того доставил ей около миллиона фунтов наличными деньгами. Он также избавил Компанию от расходов на содержание английской армии (250 тысяч фунтов в год), переложив эти расходы на одного из местных набобов. Этот результат доказал, что как администратор, он обладал великими дарованиями. И если бы эти результаты были достигнуты честными средствами, то они принесли бы Гастингсу самую горячую благодарность его отечества.

Причиною самых дурных поступков Гастингса была его забота о благе Англии. Правила справедливости, чувство человеколюбия, честное соблюдение договоров не имели для него значения, когда им противопоставлялась непосредственная выгода государства. Здравый смысл народа, который в подобных вопросах редко делает грубые ошибки, всегда будет отличать преступления, внушённые усердием к общественному благу, от преступлений, порождённых эгоистической алчностью. Не прибегая к особенному вымогательству, он мог легко стать одним из самых богатых подданных Европы с состоянием в три миллиона фунтов. А между тем, после тринадцати лет службы он привёз в Англию только то, что вполне мог скопить из своего жалования (100 тысяч фунтов в год). Его русская жена (из Архангельска) была, впрочем, не столь щепетильна и, с удовольствием принимая дорогие подарки, без ведома и содействия своего мужа скопила своё весьма приличное, независимое от мужниного состояние. Впрочем, и муж ей ни в чём не отказывал. Когда ей, по состоянию здоровья, пришлось уехать в Англию, он на свои средства отделал для неё роскошную каюту на индийском торговом судне и заплатил несколько тысяч, чтобы обеспечить её обществом приятной спутницы.

Гастингс вернулся в Англию с почётом, был ласково принят королём и королевой, Совет директоров Ост-Индской Компании выразил ему глубокую благодарность и т. д. Но за прошедшие годы в политической жизни Англии многое изменилось... Вскоре после его возвращения в Англию его политические противники в Парламенте добились того, что он был отдан под суд. Унизительный суд длился восемь лет. Как говорил сам Гастингс, обвинение было сделано в присутствии одного поколения, а приговор был вынесен другим... В Палате лордов Гастингс был оправдан, но, несмотря на бывшее у него до суда значительное состояние, ко времени окончания суда Гастингс был практически разорён. Так отблагодарила Англия одного из своих самых честных и способных государственных деятелей¹⁸...

¹⁷ Warren Hastings (1732-1818)

¹⁸ Здесь, конечно, речь идёт о личной честности и неподкупности, а не о честности в соблюдении договоров, если они противоречили интересам Англии.

по поводу книги "Дневник и письма мадам Д'Арблэ" (Лондон, 1842)¹⁹

Писатель может показать много гениальности в изображении странностей человеческого характера, но первенство между писателями имеют те из них, кто достиг совершенства в трудном искусстве снимать портреты с характеров, в которых ни одна черта не выдаётся слишком резко.

по поводу книги "Жизнь Джозефа Аддисона" (Лондон, 1843)²⁰

Как сатирик, Аддисон не имел соперников. Ни один сатирический журнал не мог соперничать с "Болтуном" или "Зрителем". Аддисон владел высшей способностью творчества – изобретательностью. Его многочисленные оригинальные вымыслы, часто дикие и причудливые, дают ему право на звание великого поэта (которое не дают ему его поэтические произведения). Он первоклассный наблюдатель жизни, нравов, всех оттенков человеческого характера. **NB** Аддисон произвёл революцию в жанре сатиры, не написав за всю свою жизнь ни одного пасквиля, направленного против конкретного лица...

2-ого января 1711 года вышел последний номер "Болтуна", а в марте того же года появилась первая из несравненного ряда статей, заключавших наблюдения воображаемого зрителя над жизнью и литературой... 500 или 600 статей, опубликованных в "Зрителе", составляют единое целое и имеют интерес романа. Тогда не было ещё ни одного романа, представляющего яркую картину обывденной жизни и обычаев англичан.

Трудно выбирать там, где столь многое заслуживает величайшей похвалы. Но если вы хотите составить себе первое впечатление о таланте автора, прочтите за один присест следующие листки: два посещения аббатства, посещение биржи, дневник удалившегося от дел гражданина, видение мирзы, приключения мартышки и смерть сэра Роджера де Коверли. 8-ой том "Зрителя", вышедший свет уже после того, как журнал перестал выходить, содержит может быть лучшие "опыты" (эссе), написанные по-английски.

по поводу книги "Поэтические произведения Джона Драйдена" (Лондон, 1826)²¹

О Драйдене, как почти о каждом человеке, отличившемся на литературном или политическом поприще, можно сказать, что путь, которым он следовал, и действие, которое он произвёл, меньше зависело от его личных качеств, нежели от обстоятельств, в которые он был поставлен... Если бы Лютер родился в X столетии, то он не совершил бы Реформации. С другой стороны, если бы Лютер вовсе не родился, раскол церкви в XVI веке всё равно случился бы. Общество имеет, конечно, своих великих и своих маленьких людей. Истина открывается великими умами намного раньше, чем она становится

¹⁹ Madame D'Arblay, née Frances Burney также известная как Fanny Burney (1752-1840)

²⁰ Joseph Addison (1672-1719)

²¹ John Dryden (1631-1700)

очевидною для массы. Они первыми отражают свет, который и без их содействия должен был сделаться видимым для людей, стоящих много ниже их.

Законы, от которых зависит прогресс и упадок поэзии, живописи и скульптуры, действуют едва ли с меньшей точностью, нежели те, которые управляют периодической сменой жара и холода, плодородия и неурожая.

Очень спорное утверждение! Веками люди спорили о том, что хорошо и что плохо в произведениях искусства. Родилась даже так называемая "наука" – эстетика. Но споры эти продолжаются и будут продолжаться вечно...

Различие между людьми вовсе не так велико, как предполагает суеверная масса. Те же чувства, которые приводили древний Рим к боготворению популярного императора, заставляют нынешних людей дорожить иллюзиями, дающими им предмет для обожания.

NB Бедствие располагает нас к ненависти, а счастье – к любви (даже в тех случаях, когда некому приписать причины того и другого). Раздражительность больного обращается даже на тех, кто облегчает его страдания. А хорошее настроение человека, упоённого успехом, часто высказывается даже по отношению к врагам.

NB Благодаря чувству восхищения, порождаемому созерцанием великих событий, люди создают себе объект для поклонения даже там, где они его не находят. Люди падают ниц перед идолом, которого сами же себе создают. Они уверяют себя, что созданы тем, кого сами же создали.

Нам представляется, что творческая способность и критическая способность не могут существовать одновременно в их полнейшем развитии. Человек, способный разобрать машину на части и понять, как она устроена, вероятно, сможет и собрать её. Во всех отраслях физических и даже нравственных наук, допускающих анализ, человек, способный произвести разложение на части, будет способен произвести и правильное соединение этих частей. Но при анализе поэзии один элемент постоянно ускользает от внимания критика, и это именно тот элемент, который делает поэзию поэзией. Поэзия требует не аналитического, а "верующего" склада ума. Поэзию лучше чувствуют те, для кого её подражание действительности составляет не предмет знания, а предмет слёз и смеха, вражды и симпатии... **NB** В тот момент, когда становится заметным мастерство художника, чары искусства рушатся. Отсюда происходят все нелепости, в которые впадали и величайшие писатели, когда они пытались дать общие правила для искусства.

Кто не вспоминает с сожалением то время, когда он впервые читал "Робинзона Крузо"? Тогда мы вовсе не заботились о том, кто был автором этой книги и правда ли всё, там написанное... Повзрослев, мы можем лучше судить о литературных достоинствах и недостатках этого рассказа, но те дни, когда любимая книга заставляла нас делать тачки и стулья, рыть пещеры и строить шалаши, уже никогда не вернуться... **N** Таков закон нашей природы: с возрастом, наше суждение зреет, а наше воображение увядает... Мы не можем одновременно быть перед сценой и за кулисами. Мы не можем наслаждаться зрелищем, когда следим за движением веревок и блоков, управляющих этим зрелищем...

Мы слышали, что в некоторых местах Испании и Португалии актёр, искусно играющий злодея, удостоивается не аплодисментов, а свиста и шиканья.

Во времена сталинского террора в Советском Союзе случалось, что талантливых актёров судили как врагов народа: "Ну не может он так хорошо сыграть врага! Наверное, он и есть враг!"

Ребёнок вскрикивает с ужасом при виде человека в страшной маске, даже если он видел, как тот человек эту маску надевает. Воображение ребёнка слишком сильно относительно разума, и ребёнок просит, чтобы маску сняли.

Никогда не забуду неподдельный ужас в глазах моей маленькой племянницы, когда, я, играя с ней, изображал злодея, готового её съесть... В тот момент она действительно верила, что я её съем...

Благодаря развитию технических умений, поэзия может в известной степени возрасть и тогда, когда поэтическая способность убывает.

Это можно хорошо показать на примере живописи. Если человек, незнакомый с кистью и красками, попытается написать чей-нибудь портрет, то вывеска в сельском табачном магазине может показаться шедевром живописи, по сравнению с этим портретом...

В эпоху варварства господствует воображение. Оно порождает и радости дня, и ужасы ночи. Оно служит источником диких суеверий. Оно превращает облака в колоссальные фигуры, а завывания ветра – в заунывные голоса. Созданные под влиянием воображения образы для дикаря настолько же реальны, насколько реальны его физические ощущения. На дикарей грубые песни их бардов действуют сильнее, чем величайшие произведения поэзии действуют на народ более цивилизованный.

NB С распространением знаний и развитием ума, подражательные искусства приходят в упадок... Здравый смысл, искоренивший поэтическую аффектацию в политических трактатах, через некоторое время произвёл подобную реформу и в сонетах...

Из статьи "Об истории"
по поводу книги "The Romance of History. England" by Henry Neele (1828)

Маколей удивляется тому, что в Византийской империи, где было образованное общество, где вошла в употребление самая запутанная и утончённая система юриспруденции, где процветали изящные искусства, где сохранялись и изучались творения великих писателей древности, за почти 1000 лет своего существования это общество не сделало ни одного великого открытия в науке, не произвело ни одной книги, которая нашла бы других читателей, кроме археологов.

Это, и вправду, очень странно. Выходит, что само по себе наличие в государстве высокообразованных людей вовсе не всегда способствует успехам общества в науке и в литературе. А потому неверным является распространённое убеждение о том, что распространение образования позволит решить многие социальные проблемы и будет помогать моральному и материальному прогрессу в государстве...

Установившееся в Европе равновесие умственного и нравственного влияния между народами гораздо важнее, чем равновесие политическое. Таким образом цивилизованному миру удалось избежать однообразия характера, пагубного для всякого развития. Конкуренция произвела деятельность там, где монополия произвела бы застой. Вместо того, чтобы видеть общество и человеческую натуру только с одной точки зрения, мыслители приучаются видеть их с тысячи различных точек зрения. Наблюдая обычаи окружающих наций, изучая их литературу, мыслитель имеет возможность исправить те заблуждения, в которые впадали даже самые острые умы, которые по частному судили об общем, по виду судили о роде. Мыслитель научается отличать местное от общего, временное от вечного. Он начинает понимать разницу между исключением и правилом, открывает действие причин, нарушающих порядок, отделяет общие принципы (всегда и везде приложимые) от случайных обстоятельств, с которыми они сливаются во всяком государстве.

Английские историки не имеют соперников по глубине и точности понимания предмета, и даже в произведениях простых компиляторов мы часто встречаем рассуждения, которые были не по силам древним мудрецам. Но даже английским историкам случается отступать от истины. Современные (1850) английские авторы отступают от истины, увлекаемые разумом, а не воображением. В искусстве извлекать из фактов общие принципы они далеко превзошли своих предшественников. Но, к несчастью, они нередко извращают факты, чтобы приноровить их к общему правилу, та что иногда приходится сомневаться, действительно ли этот отдел литературы выиграл или проиграл в течение последних 22 столетий.

Не думаю, что серьёзные историки сознательно (или даже бессознательно) извращают факты. Но они дают одним и тем же фактам различное (и даже противоположное) истолкование...

Современные историки, упражняясь в научных прениях, самым печальным образом пренебрегают искусством рассказа, искусством привлечь сочувствие и представить живые картины воображению читателя. Огромная популярность биографических сочинений доказывает, что писатель может, не нарушая истины, произвести этот эффект. Лучшие из этих биографий заслуживают серьёзного внимания профессионального историка.

Для меня лично, история и есть совокупность биографий выдающихся людей. Но в первую очередь, меня интересуют не биографии завоевателей, тиранов и разрушителей, а биографии творцов, созидателей, строителей, реформаторов, деятельность которых, как показало время, способствовала нравственному, научному и техническому прогрессу в развитии государства. Проблема только в том, что один и тот же человек может быть и гением, и злодеем, и строителем, и разрушителем в одно и то же время... Вообще, давать оценки деятельности современников – занятие неблагодарное: мы ведь не знаем, что историки напишут о них через 100 лет после их смерти...

Писатели, занимающиеся научной историей, нередко питают какое-то аристократическое презрение к авторам мемуаров.

Большинство мемуаров написаны людьми выдающимися или теми, кто их близко знал. К сожалению, практически не оставили своих мемуаров обычные люди, принадлежащие к средним классам общества, а именно они и представляют для меня наибольший интерес...

NB Что мы хотим сказать, говоря, что одно минувшее событие замечательно, а другое не замечательно? Ни одно минувшее событие само по себе не имеет существенного значения! Знание его важно только потому, что помогает нам составить верные заключения относительно будущего. История, не содействующая этой цели, бесполезна.

Мне очень близка эта мысль. Я уже не раз говорил и писал о том, что любая наука занимается обобщением частных случаев. Общие законы – вот предмет любой науки. Наука начинается там, где обнаруживаются не зависящие от нашей воли закономерности, где начинается предсказание. Как опытный химик может предсказать физико-химические свойства нового вещества, которое он синтезирует, так и опытный историк должен уметь предсказывать будущие последствия тех или иных исторических событий. Боюсь, вот, только, что в случае с исторической наукой и предсказания эти будут определяться либо "государственной необходимостью", либо политическими убеждениями историка...

! История, в которой верно передан каждый отдельный случай, может быть в целом неверной.

Обстоятельства, имевшие наибольшее влияние на счастье человечества: переход общества от бедности к богатству, изменения в нравах и в нравственности, переход от невежества к знанию, от жестокости к гуманности – вот те, большей частью, бесшумные революции, которые историки редко называют важными событиями. Эти события не совершаются с помощью войск и не предписываются указами сената, они не освящаются договорами, не заносятся в архивы, но знания о них передаются из поколения в поколение в сотнях тысячах школ и в миллионах семейств.

Мы читаем о победах и поражениях, Но мы знаем и о том, что нации могут быть несчастными среди побед и благоденствовать в результате поражений.

Сразу приходит на ум недавняя история России и Германии...

Впечатление, производимое историческим чтением, во многих отношениях сходно с впечатлениями от заграничных поездок: другие города, другие моды и т. д.

Истинный историк тот, кто изображает в миниатюре дух и характер века. Искусно выбирая одни факты и отбрасывая другие, он придаёт истине ту прелесть, которая несправедливо присвоена только вымыслу.

"Историк изображает в миниатюре дух и характер века". Очень часто мне как читателю нет никакого дела до "духа и характера века". В истории меня интересует преимущественно или даже исключительно то, что так или иначе приложимо к моей сегодняшней жизни...

*

Фридрих Великий
по поводу книги "Фридрих Великий и его время" (Лондон, 1842)

В 1742 году 28-летний Фридрих сделался королём Пруссии. Зная о его страсти к французской литературе и о его переписке с Вольтером, его приближённые не могли себе даже представить, что на трон взойдёт тиран с необыкновенными военными и политическими талантами, человек необыкновенной предусмотрительности, человек без

страха, без веры и без жалости. Он нарушил клятву и ограбил союзника, которого обязался защищать, и, чтобы расширить свои владения, ввергнул Европу в длительную и кровавую войну. Главной целью короля было иметь армию – многочисленную, сильную и дисциплинированную; седьмая часть всего взрослого мужского населения была под ружьём. Армия пожирала огромные средства, поэтому у Фридриха не было флота. К 1745 году Фридрих уже не был новичком в военном искусстве...

Фридрих не щадил ни себя, ни других. Летом он вставал с постели в три часа ночи (зимой – в четыре часа утра) и к восьми часам утра он уже заканчивал разбор самой важной почты, делая на письмах пометки для секретарей, которые должны были в тот же день подготовить ему соответствующие бумаги на подпись. Он сам был и своим министром финансов, тщательно проверяя присланные ему финансовые отчёты. Двор его отличался простотой и многие его министры ходили пешком, а не ездили в шикарных каретах... Строгий порядок господствовал во всём его государстве. Собственность была в безопасности. Печать была совершенно свободна: веря в несокрушимую мощь своей армии, он не обращал внимания на злые памфлеты и газетные карикатуры. Если ему докладывали о том или ином предводителе недовольных, он всегда задавал только один вопрос: "Сколько солдат это предводитель может вывести на поле боя?" В его государстве нашли себе убежище все формы религии и атеизма. Религиозные преследования были почти неизвестны в его царствование (за исключением некоторых ограничений для евреев).

Армия Фридриха не была воодушевлена ни религиозным фанатизмом (как армия Кромвеля), ни страстным патриотизмом (как армия Петра I), ни гением полководца (как армия Наполеона), но (с технической точки зрения) она была обучена военному искусству лучше, чем любая другая армия в Европе.

Фридрих подарил народу быстрый и недорогой суд. Он был одним из первых государей в Европе, кто отменил пытку как средство дознания. Без его личного одобрения не приводился в исполнение ни один смертный приговор. Но военные преступления наказывались плетью с таким позором и с такой жестокостью, что провинившиеся солдаты предпочли бы расстрел.

Бюрократический порядок царил везде и всюду. Дети поступали только в те школы, которые им были предписаны. Путешествия за границу разрешались только лично королём, и он же предписывал, сколько денег путешественник может на это истратить (купцу обычно дозволялось взять с собой только 250 талеров золотом, а дворянину – 400).

Недостатком административной системы Фридриха было то, что он вмешивался во всё – в работу судов, в торговлю, в промышленность... Он приучал свой народ к порядку так же, как он приучал к дисциплине своих солдат. Ему никогда не приходило в голову, что образованный юрист с многолетним опытом, возможно, разбирается в работе суда лучше, чем король... Людям легче было бы жить под властью развратника и вора, чем под властью короля, который своим мелочным вмешательством постоянно нарушал нормальную работу администрации.

Однако в свободное от военных и государственных забот время тот же самый король играл на скрипке или на флейте, писал французские стихи и проводил время в обществе литераторов. Правда, его библиотека состояла только из французских книг, о немецком языке он отзывался с презрением. Среди его собеседников было немало иностранцев.

Он имел талант привлекать к себе людей при первом знакомстве, но настоящих друзей у него никогда не было, и расположение его отличалось непостоянством. Он обладал талантом безошибочно открывать в людях их слабые места и любил подвергать их за их слабости злобным насмешкам. Никто не знал, как вести себя в его присутствии, чтобы не подвергнуться насмешкам и унижению. Даже великий Вольтер, получивший роскошный приём при дворе Фридриха, не избежал этой участи. Фридрих был скуп, Вольтер – жаден к деньгам. Их "медовый месяц" не мог продолжаться долго...

Фридрих имел тайных агентов при всех дворах Европы. Его невозможно было застать врасплох. Вскоре он узнал о создании против него могущественной коалиции государств, имевших намерение разорвать Пруссию на части. Он узнал, что на него нападут разом Франция, Австрия, Россия, Саксония, Швеция и Германский союз. У него было только 5 миллионов подданных. Население этих стран составляло в сумме больше 100 миллионов человек. Разница в богатстве была так же значительна. Недавно завоёванная им Силезия составляла почти четверть его владений, и родившиеся под австрийским владычеством силезцы никак не могли быть прусскими патриотами... Никто в Европе не сомневался в скорой гибели Пруссии... Но у прусского короля не было многочисленных кредиторов, постоянно требовавших уплаты процентов по долгам, у него не было расточительного двора, стоившего содержания пятидесяти батальонов, и у него была прекрасно подготовленная, дисциплинированная армия под командой опытных офицеров, привыкших побеждать... К тому же, он был один, а врагов было много. Между его врагами неизбежны были противоречия и раздоры... Фридрих понимал, что в этих условиях надо действовать решительно, и он первым нанёс удар. В августе 1756 года началась Семилетняя война... Государь, читавший только по-французски, писавший только по-французски и надеющийся на выдающееся место среди французских писателей, освободил от французского влияния половину Европы... Англичане ликовали. Несколько молодых и знатных англичан хотели отправиться к Фридриху для изучения военного искусства. Но Фридрих им отказал, потому что не верил в то, что богатые иностранцы согласятся с жестокой дисциплиной и по-спартански суровым бытом даже его высших офицеров... Англичане помогли Фридриху другим способом: ему была выделена ежегодная субсидия в 700 тысяч фунтов стерлингов.

*

В 14 томе, кроме интересной статьи о Фридрихе Великом, находим очерк о Голдсмите и интересную биографию Самюэля Джонсона, а также рассказ о жизни и деятельности Барера – человека, который во времена Великого Террора сотнями казнил как своих политических противников, так и своих друзей и союзников; человека, которому удивительным образом удавалось избежать мести со стороны возмущённых граждан; человеку совершенно омерзительному и беспринципному, который, однако, получал государственную пенсию, дожил до 86 лет и удостоился статьи в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона...

В 15 томе опубликованы речи и статьи разных лет.

из речи о десяти рабочих часах (1846):

Я не знаю, что хуже для общества: отеческое ли правительство, вмешивающееся во все подробности жизни, или беспечное, вялое правительство, закрывающее глаза на злоупотребления в надежде, что "равновесие определится само собою". Самая трудная проблема в политике – найти среднюю линию между двумя этими вредными крайностями. В старое время правители грешили излишней заботливостью. Законодатель объяснял людям, как содержать их лавки, как обрабатывать поля, как воспитывать детей, сколько блюд подавать за обедом, сколько платить за сукно для платья... Замечательные политические философы XVIII столетия доказали безумство такого законодательства. Но тут же обнаружилась склонность к противоположной ошибке...

Государство должно смотреть за договорами отдельных лиц, если при этом страдает благосостояние общества. Когда речь идёт об общественном здоровье, государство имеет право вмешиваться в договоры отдельных лиц.

*

из речи об английской литературе (1846)

Вполне возможно, что наше книжное собрание даст первый толчок какому-нибудь Уатту или Аркрайту. Но я говорю не об этом. Я верю в нравственное и умственное совершенствование читателя; я уверен, что многие часы, которые иначе были бы проведены в безрассудстве или пороке, будут употреблены на занятия, доставляющие самое высокое и продолжительное наслаждение; занятия, не только безвредные, но и улучшающие, возвышающие человека. Собственный опыт подтверждает мои надежды. Я имел случаи убедиться и у нас, и в других странах, в действии хорошего собрания книг на общество молодых людей.

из речи о народном образовании (1847)

Предыдущий оратор не сказал ни одного слова, по которому можно было бы заметить, считает ли он образование делом, в которое должно вмешиваться правительство, или нет. Я сразу выскажу своё мнение о вопросе, которого он так тщательно избегал. Я полагаю, что право и обязанность государства требуют, чтобы оно облегчало средства народного образования. Однако о *пределах* государственного вмешательства в дело образования существует много различных мнений.

Все единогласно признают за правительством обязанность заботиться о неприкосновенности личности и собственности всех граждан государства. Если это признано, то можно ли отрицать, что образование простого народа – это одно из лучших средств для безопасности нашей жизни и собственности?

К сожалению, можно! Средний уровень образования в современных развитых странах не идёт ни в какое сравнение со временами Маколея. Но по-прежнему существуют и преступления против личности, и преступления против собственности (которые иногда совершают и люди с высшим образованием!) Надо бы посмотреть статистику по этим преступлениям (в расчёте на 100 тысяч человек населения) в 1847 и в 1997 году...

Мне кажется совершенно ясным, что тот, кто имеет право казнить, имеет право и воспитывать.

Нет сомнения, что существует много благодетельных людей, которые жертвуют временем и деньгами для учреждения и поддержки школ. Однако основывать законодательство на предположении, что человек будет заботиться о ближнем, как о самом себе, было бы ошибочно.

Если мы будем рассматривать людей как простых производителей богатства, то разница между умным и глупым населением, рассчитанная на фунты и шиллинги, во сто раз превзойдёт предложенные издержки. Против каждого фунта, который вы сэкономите на образовании, вы издержите пять фунтов на тюрьмы и исправительные учреждения.

Маколей тогда и предположить не мог, что через 100-150 лет миллиарды фунтов, вкладываемые в образование, не помогут освободить общество от преступников и террористов...

Критики утверждают, что государственное финансирование образования усилит власть действующего правительства и ослабит влияние оппозиции в школе.

Здесь Маколей предлагает "строгий контроль" за расходованием этих средств. В чём заключается этот "строгий контроль" мы видим на примере сегодняшней (2017) России, в которой неугодных правительству учителей увольняют или даже подвергают судебному преследованию...

Ещё более шаткой становится аргументация Маколея в вопросе о религиозном образовании в школе. Он надеется, что директора государственных и диссидентских школ будут пользоваться одинаковыми правами и одинаковым влиянием. Блажен, кто верует...

Я с большой уверенностью, – говорит Маколей, – отдаю себя на суд будущих поколений, которые, наслаждаясь плодами беспристрастной и разумной системы общественного образования, с трудом поверят, что авторам этой системы пришлось бороться с упорной оппозицией и что оппозиция эта велась под флагом гражданской и религиозной свободы.

Надо обладать большой смелостью и уверенностью в своей правоте, чтобы с такой лёгкостью отдавать себя на суд потомков... "Хотел бы я хоть во что-нибудь верить так, как Маколей верит во всё, что он говорит", – заметил как-то английский премьер-министр лорд Мельбурн (Melbourne)...

*

из статьи о рабстве в Вест-Индии

! Великий пожар в Лондоне (1666) часто считается благодеянием, потому что он уничтожил в городе чуму быстрее и лучше, чем все доктора и полиция. Точно так же и политический мир извлекает часто большие выгоды из тех страшных и разрушительных несчастий, навсегда уничтожающих тёмные, смрадные места, в которых гнездятся ужасные нравственные болезни.

Октябрьская революция 1917 года и Гражданская война 1918-1920 гг. стоили России 8 миллионов жизней и привели к потере вековой русской культуры: 2 миллиона эмигрантов – цвет русской нации – покинули страну. Однако результатом этих событий стало рабство, презрение к человеческой

личности, массовые репрессии и массовая гибель советских людей во время Второй мировой войны. Да, были и ракеты, и атомная бомба, но "большие выгоды" для российского народа здесь как-то очень плохо просматриваются...

ИСТОРИЯ АНГЛИИ

Я намереваюсь написать истории Англии с восшествия на престол короля Якова II (James II, 1685-1688) до того времени, которое памятно ещё и ныне живущим людям. Я прослежу ход той революции, которая, закончив долгую борьбу между нашими государями и их парламентами, связала воедино права народа с правами царствующей династии.

История нашего отечества в течение последних 160 лет – это история постоянного совершенствования.

Кто сравнивает век, в который ему довелось жить, с золотым веком, существующим лишь в его воображении, тот может толковать о вырождении и упадке. Но тот, кто основательно знаком с прошедшим, тот не будет расположен к мрачному или безнадёжному взгляду на настоящее.

Неудачи, которые преследовали наших предков в их попытках основать континентальную державу оказались для Англии истинным благом: страна смогла сосредоточиться на ремёслах и торговле. Впрочем, мир продолжался не долго. Заключённый в пределы своего острова воинственный народ употребил на междоусобную войну то оружие, которое когда-то было грозой Европы.

Другие государства обладают конституциями более последовательными. Но никакое другое государство не смогло соединить прогресс с постоянством, энергию юности с величием древности.

Обширная власть английского монарха была ограничена тремя основными конституционными правилами: он не мог издавать законы без согласия своего парламента; он не мог налагать подати без согласия своего парламента; он обязан был действовать в соответствии с законами.

NB Мы научены долгим опытом тому, что нельзя оставлять без внимания ни малейшего нарушения конституции. Правительство, которое без нужды превышает свою власть, должно быть осуждено парламентом. А правительство, которое вынуждено превысить свои полномочия под влиянием исключительных обстоятельств, должно обратиться к парламенту за соответствующим разрешением в виде специального закона.

Сто шестьдесят лет прошло с тех пор, как английский народ силою сверг своё негодное правительство. А за сто шестьдесят лет до этих ста шестидесяти лет 6 из 9 английских королей были низложены, а пятеро из них потеряли вместе с короной и жизнь...

! NB Следствием постоянного приращения богатства стало то, что восстание сделалось для мыслящих людей страшнее, чем дурное управление.

В одном только Лондоне на складах лежит в 500 раз больше товаров, чем их было во всей стране во времена Плантагенетов. В случае революции или бунта эти товары могут быть уничтожены или разграблены. Одна неделя гражданской войны может сегодня привести к бедствиям, последствия которых будут заметны и сто лет спустя.

Так как без риска подвергнуться страшным бедствиям мы не можем употребить физическую силу против дурного управления, благоразумие предписывает нам хранить все конституционные средства, направленные против дурного управления и бдительно подмечать любые случаи посягательства на свободу, чтобы они не приобрели силу примера.

Наша демократия с древнейших времён была самой аристократической, а наша аристократия была самой демократической в мире. Эта особенность английской политической жизни произвела множество важных нравственных и политических следствий.

К счастью для Англии, в ней существовал древний обычай: право меча принадлежало королю, а право кошелька принадлежало народу (в лице его парламента). Без правильной системы налогов, король не мог держать в постоянной готовности большую дисциплинированную армию. А политика парламента заключалась в следующем: не давать королю средств на содержание армии, пока не будет обеспечена защита народа от деспотизма правителей.

Английские короли не могли простирать угнетение дальше известных пределов, потому что они не имели для своей защиты регулярной армии и были окружены вооружённым народом. Генрих VIII мог беспрепятственно посылать на эшафот своих жён и своих бывших друзей, но когда он захотел заставить англичан отдавать в казну шестую часть их дохода, ему пришлось отступить: сотни тысяч вооружённых людей закричали, что они англичане, а не французы, свободные люди, а не рабы. Королю пришлось не только отменить это своё требование, но и принести публичное покаяние в нарушении закона.

NB Там, где существует большая регулярная армия, там уже не может в полной мере существовать ограниченная законами монархия. Монархия, охраняемая регулярной армией, почти неминуемо становится абсолютной. Во всех континентальных монархиях народные собрания или вовсе исчезли или превратились в пустую формальность и собирались только в каких-то торжественных случаях. Что случилось в континентальной Европе, то, наверное, случилось бы и у нас, если бы в XVII веке власть не перешла от короля к парламенту...

Как правительство нуждалось в поддержке протестантов, так и протестанты нуждались в защите правительства. Многое было уступлено с обеих сторон, союз был заключён, и плодом этого союза стала Англиканская церковь. Основатели Англиканской церкви писали и действовали во время сильного умственного брожения и постоянного

противодействия. Они часто противоречили друг другу, а иногда они противоречили и самим себе.

В ноябре 1640 года собрался знаменитый "Долгий парламент", который, несмотря на многие ошибки и неудачи, имеет право на уважение всякого, кто (в любой части света) наслаждается благами конституционного правления. Вакации этого парламента продолжались шесть недель. День, когда этот парламент собрался вновь, стал днём рождения двух политических партий, которые будут управлять Британией в последующие 300 лет. Различие между этими партиями, сделавшееся теперь очевидным, существовало всегда. Его начало коренится в разнообразии характеров, умов и интересов, которое встречается и будет встречаться во всех обществах, пока дух человеческий не перестанет увлекаться в противоположные стороны прелестью привычки и прелестью новизны. **NB** Не только в политике, но и в литературе, в искусстве, в науке, в хирургии, в механике, в мореплавании, в земледелии и даже в математике находим мы это различие. Везде есть класс людей, которые являются страстными сторонниками старого и усиленно сопротивляются любым нововведениям, и класс людей, быстро различающих несовершенство во всём существующем, людей, пылких в своих надеждах, смелых в своих теориях, вечно стремящихся вперёд, легко думающих об опасностях и неудобствах, связанных с любыми изменениями, людей, готовых принимать любую перемену за улучшение...

Различие между этими двумя партиями было различием скорее степени, нежели принципа. И справа, и слева были известные пределы, которые переступались очень редко. Несколько энтузиастов с одной стороны готовы были сложить все наши законы и вольности к стопам наших королей. Несколько энтузиастов с другой стороны готовы были следовать за призраком дорогой их сердцу республики. Но огромное большинство защитников короны питало отвращение к деспотизму и огромное большинство республиканцев питало отвращение к анархии.

Дважды в течение XVII столетия обе партии откладывали свои раздоры и соединяли свои силы в общем деле. Первая их коалиция восстановила наследственную монархию. Вторая их коалиция спасла конституционную свободу.

Это стало возможным, потому что с обеих сторон были представлены думающие люди, которые способны были голосовать в соответствии со своим личным мнением, а не слепо подчинялись партийной дисциплине. При всеобщем избирательном праве это, к сожалению, невозможно – потому что депутаты, как правило, идут за большинством избирателей, а большинство избирателей составляют люди, которые не привыкли задумываться над жизнью, а просто следуют за хлесткими лозунгами и харизматичными лидерами...

Эти две партии, даже вместе взятые, не составляли большинство народа. Между ними всегда была огромная масса, которая колебалась между ними. Эта масса неоднократно ударялась из одной крайности в другую и обратно. Иногда она меняла стороны только потому, что ей надоедали одни и те же лидеры; или потому, что она пугалась своих собственных бесчинств; или потому, что ожидала невозможного и обманывалась в своих ожиданиях.

Мало изменилось с тех пор. Но в XVII веке эта масса не имела избирательных прав...

Н Если бы хороших законов было достаточно для обуздания короля, то подданные никогда не имели бы причины жаловаться на дурное управление...

Первые меры короля подавали хорошие надежды. Он объявил своё решение управлять в согласии с общинами, назначил в свои советники популярных в парламенте людей и обещал, что без их ведома не примет ни одной решительной меры, так или иначе касающейся нижней палаты парламента. Если бы он сдержал это обещание, то роялисты одержали бы решительную победу, а реформаторы задумались бы о переезде на жительство в Америку. Но он не сдержал своих обещаний и (в результате своего вероломства и презрения к закону) в конце концов потерял и корону, и жизнь.

Летом 1647 года парламент вынужден был покориться своей собственной армии. В последующие тринадцать лет Англия управлялась только силою меча. Никогда в истории Англии (ни до ни после) гражданская власть не подчинялась военной диктатуре.

Сомнительный тезис: администрация Вильгельма Завоевателя, например, была, по сути дела, военной администрацией.

Армия Кромвеля была сильна дисциплиной, но главная её сила заключалась в том, что её составляли люди, взявшиеся за оружие не из нужды, а из религиозной и политической ревности. Благодаря своему фанатизму, солдаты Кромвеля побеждали противника, втрое превосходящего их по численности. Ни одна армия в Англии и в Европе не могла противостоять их бешеному натиску.

Жалование простого солдата в армии Кромвеля значительно превышало заработка основной массы народа. Это были люди непьющие, нравственные, воздержанные. Самые способные из них могли рассчитывать на быстрое продвижение по службе.

Армия Кромвеля привлекала честолюбивых молодых людей, находивших искреннюю радость в том, чтобы ворваться в гущу боя, сметая всё и всех на своём пути. Мало сказать, что эти люди не боялись смерти. Они её искали! Потому что славная смерть приносила им почёт и уважение на земле и вечное счастье на небесах...

Но даже такой армии нелегко было держать в повиновении свободолюбивый английский народ. Нация, не приученная к порабощению, начала противодействовать военной тирании. Многочисленные восстания приходилось жестоко подавлять даже в тех графствах, которые с самого начала войны были лояльны к парламенту. Да и сам парламент искал случая избавиться от своих слишком ревностных защитников...

Пока Ферфакс подавлял мятежи в окрестностях столицы, Кромвель со своими "железнобокими" сравнивал с землёй замки валлийских инсургентов, а затем наголову разбил выступившую против него большую шотландскую армию.

Поначалу Кромвель желал быть могущественным посредником между парламентом и королевской властью. Мысль о казни пленного короля едва ли приходила ему в голову. И не столько потому, что казнить пленников было бы не достойно его величия, сколько потому, что этот шаг объединил бы против него не только тайных роялистов, но и девять

десятих сторонников парламента. Однако Кромвелю пришлось подчиниться желанию фанатичной вооружённой силы, которую он сам же и создал... Большинство членов Палаты общин приняли решение, клонившееся к соглашению с королём, – солдаты изгнали это большинство из парламента. Палата лордов единогласно отвергла предложение о предании короля суду – на следующий же день Палата лордов была закрыта... Скорый революционный суд признал Карла I тираном, изменником, убийцей и врагом общества, и очень скоро Карл лишился головы, а политические симпатии большинства здравомыслящих людей обратились к Карлу II, живущему в изгнании...

Презираемый и ненавидимый обманщик, каким он был при жизни, Карл I приобрёл тайные симпатии народа после смерти. Его гордый отказ отвечать перед судом, созданным в противоречии с конституционными законами Англии, его отчаянный протест против военного насилия над парламентом вызвали тайное сочувствие даже у многих его бывших противников. Всё его вероломство и дурное управление было быстро забыто, и из правителя, старавшегося всеми возможными средствами подавить парламентскую власть, он перед смертью превратился в защитника парламента перед лицом военной диктатуры.

Англия была объявлена республикой, в которой номинальная власть принадлежала разгромленному парламенту, а фактическая – армии (во главе с её выдающимся лидером). Благодаря своему гению и решимости, Кромвель сумел стать таким неограниченным властелином своей родины, каким никогда в истории не был и не мог быть ни один из её законных королей. Всё склонилось перед силой Кромвеля и его фанатичных солдат. Ирландское восстание было потоплено в крови. На землях ирландцев, бежавших на материк или за океан, он поселил английских протестантов...

Наконец, все формальности были отброшены. Солдаты, ворвавшиеся в здание, в котором заседало "охвостье" некогда знаменитого парламента, стащили с кресла председательствующего, взяли со стола его жезл, выгнали вон всех депутатов и закрыли дверь на ключ...

Караул устал...

Внешняя политика Протектора вызывала одобрение даже у тех, кто его ненавидел. Даже республиканцы вынуждены были сознаться, что тиран не позволял никому (кроме самого себя) обижать свою родину и что вместо похищенной у неё свободы, он дал ей военную славу и "уважение" чужеземцев. Кромвель от всей души желал религиозной войны в Европе. В такой войне он стал бы главою протестантских армий, "и сердце Англии было бы с ним"...

Звучит до боли знакомо! 2017...

Часто утверждают, что Кромвель умер в пору, счастливую для его славы, и что если бы жизнь его продлилась, он закончил бы её позорно и бедственно. Что было бы, если бы... , мы не знаем, но мы знаем, что было: он до конца жизни пользовался уважением своих солдат, держал в повиновении население Британских островов и внушал страх всем иностранным державам.

Диктатор может уйти от наказания при жизни, но от суда Истории ему не уйти... Не имея возможности казнить Кромвеля при его жизни, его противники казнили его после смерти. Через три года после его смерти, его полуразложившийся труп был выкопан из могилы, повешен, четвертован и сожжён, а пепел был развеян по ветру... Впрочем, 200 лет спустя в Лондоне был установлен частными лицами памятник Кромвелю, а ещё четверть века спустя, в 1890-ых годах (снова на средства частного лица), великому диктатору был воздвигнут ещё один памятник (поначалу этот памятник предполагалось построить на государственные средства, но возмущение некоторых политиков заставило парламентариев отказаться от этого намерения). В XX веке Уинстон Черчилль предложил назвать именем Кромвеля военный корабль, но король наложил вето на это предложение, потому что в то время в Ирландии было снова неспокойно, а Кромвель оставил там после себя страшную память, которая жива и через 350 лет после его смерти...

Невозможно сделать довольными всех. Оценивая значение любого исторического деятеля, имеет смысл спросить, а стало ли в результате его деятельности "лучше жить" большинству населения страны. Впрочем, и это вопрос не имеет однозначного ответа, особенно – если диктатор правил и жил долго. Аугусто Пиночет, превративший экономику Чили в одну из самых процветающих экономик Латинской Америки, в 2005 году, в возрасте 90 лет, попал под суд по обвинению в физическом уничтожении своих политических противников (имевшем место в 1973-1977 годах). Судьба пощадила старика: он умер в 2006 году и был похоронен с воинскими почестями, хотя и без официального признания его заслуг перед родиной. Впрочем, в 2012 году приказано было в чилийских учебниках истории заменить выражение "диктаторский режим" на слова "военный режим"... Древняя история повторяется в новое время...

Сын Кромвеля Ричард пришёлся по душе всем политикам и заграничным послам. Но, в отличие от отца, он не имел никакого авторитета в армии. Впрочем, и сама армия не была больше единой. Та могучая сила, которая в течение многих лет действовала как один человек и которая была неодолимой, пока она действовала таким образом, распалась, наконец, на части, враждебные друг другу. Над Англией нависла угроза подпасть под гнёт самого ненавистного и унижительного образа правления: под гнёт правления, соединявшего в себе всё зло деспотизма со всем злом анархии. Народ повсюду отказывался платить подати. Флот вошёл в Темзу и объявил себя противником армейской тирании, мастеровые люди тысячами собирались на митинги и требовали свободного парламента, солдаты разделились на фракции, между которыми происходили вооружённые стычки. С севера, из Шотландии, при постоянно растущей поддержке населения, наступала на Лондон армия генерала Монка. Нация была теперь соединена, а армия – разделена... Люди устали от беззаконий. Некоторое время осторожность и нерешительность Монка держала все партии в напряжении. Наконец, он открыто высказался в пользу свободного парламента. Нация "обезумела от восторга", несколько ночей подряд эль лился рекой и небо алело от бесчисленных фейерверков. Прежние вожди боялись показываться на улице...

Не было никаких сомнений, что свободно избранный парламент восстановит монархию и Стюартов на престоле. Вопрос состоял только в том, произойдёт ли это мирным путём или в результате новой гражданской войны. 50-тысячная армия Кромвеля кипела от возмущения. Разобщённая и преданная своими офицерами, она всё ещё представляла собой грозную силу. Временное правительство это хорошо понимало и делало всё возможное, чтобы хитростью и подкупами разобщить и разъединить эту армию. Порядок в столице поддерживала шотландская армия. Одновременно в каждом графстве быстрыми темпами шло формирование народной милиции. 120 тысяч вооружённых милиционеров

были готовы в любое время выступить в поход. Флот поддержал временное правительство.

К счастью для Англии, новую гражданскую войну удалось предотвратить.

Новый парламент постановил передать королевский престол законному наследнику. Карл II высадился с корабля в Кенте при ликовании огромной толпы народа. Вдоль дороги до Лондона стояли бесчисленные палатки и шатры. Повсюду звенели колокола и играла музыка. Вино лилось рекой. Люди пили за здоровье того, с чьим именем они связывали надежду на мир, законность и свободу. Только солдаты армии Кромвеля были угрюмы. Но внутренние раздоры в армии лишили их всякого доверия к своим начальникам и друг к другу, и на вооружённое сопротивление они не решились.

Писатели, симпатизирующие республиканцам, часто представляют реставрацию как национальное бедствие. Но настоящим бедствием для Англии было бы подпасть под тиранию целого ряда ничтожных людей, которых военные могли бы по своему капризу возвышать и ниспровергать...

Армия Кромвеля была распущена и "потонула в массе общества". Прославленные солдаты стали булочниками и каменщиками, извозчиками и пахарями. Военная диктатура исчезла, оставив после себя стойкое нерасположение большинства англичан к постоянной армии.

Разумеется, верные присяге роялисты, которые многое претерпели за свою верность королю в прошедшие 18 лет, требовали награды за верность и жестокого наказания для бывших мятежников. К чести нового правительства, следует, однако, сказать, что оно стремилось успокоить страсти, сгладить противоречия и найти компромиссные решения и в политических, и даже в религиозных вопросах. Один из членов парламента, который публично заявил, что все, кто обнажил меч против короля, были такими же преступниками, как и те, кто отрубил ему голову, был признан нарушителем порядка и заслужил всеобщее осуждение... А король отдавал своё время развлечениям и в административную деятельность правительства (в которой он ничего не понимал) совсем не вмешивался.

Пуритане оставили после себя недобрую память. Церкви и гробницы были обезображены, статуи – разбиты, все картины из королевского собрания с изображениями Христа или девы Марии были сожжены. Копии с древнегреческих скульптур отправлялись к каменотёсам, чтобы те придали им более "пристойный" вид. Прелюбодеяние наказывалось смертью, за связь без брака тоже полагалось суровое наказание. Театры были сожжены. Всякие увеселения, включая традиционные весенние деревенские праздники со скоморохами, акробатами, канатоходцами и кукольными представлениями, были запрещены (вплоть до того, что все молодые берёзки на лужайках, где раньше устраивались эти праздники, были вырублены). Запрещены были пари на скачках, строго запрещена была травля медведей (но не из сострадания к животным, а потому, что она доставляла удовольствие грубым зрителям). Даже праздник Рождества – с традиционными украшениями, колядками и лакомствами – вызывал неудовольствие пуритан. Гражданам было приказано в этот день поститься, молиться и оплакивать грехи их отцов, которые в

этот день целовались под веткой памелы, ели кабанью голову с поджаренными яблоками, пили эль, пели и плясали...

NB Люди нередко вступают в опальную среду из самых добросовестных побуждений. Но когда секта делается могущественной, когда принадлежность к ней становится путём к богатству и почестям, тогда своекорыстные и тщеславные люди толпой стремятся в неё – говорят её языком, соблюдают её устав и часто превосходят честных её членов во всех внешних проявлениях ревности.

Не о советской ли компартии всё это написано?

Бедствия преследовали Англию. Несмотря на то, что Парламент отпуская на войну с Голландией суммы, которые и не снились Кромвелю в те времена, когда Англия была грозой всего мира, бездарное правительство бездумно растрачивало и разворовывало эти деньги, в то время как матросы на кораблях бунтовали от голода. А когда Парламент начал расследование с целью выяснить, куда были истрачены деньги, ассигнованные на войну, бывший тогда канцлером Кларендон обвинил парламентариев в превышении их полномочий. Голландский флот вошёл в устье Темзы и сжёг стоявший там английский военный флот, в то время как король развлекался во дворце со своими красотками. Огромные массы народа толпились на улице, крича, что Англия была предана и продана... Ярость черни была направлена преимущественно против канцлера. Возбуждённая толпа перебила все окна в его дворце, срубила все деревья в его роскошном саду и поставила перед входом в его дом виселицу... Канцлер бежал из страны, а Парламент принял закон, осуждающий его на вечное изгнание... К этим бедам, порождённым бездарным правительством, прибавились и такие, которых даже самое лучшее правительство не могло отворотить. Страшная эпидемия чумы истребила за шесть месяцев больше 100 тысяч человек. А вслед за чумой Лондону пришлось пережить самый страшный пожар в истории города...

Расходы королевского двора непрерывно росли. Королю нужны были деньги. А получить их от парламента в сложившихся условиях не представлялось возможным. И тогда он решился на переговоры с Францией, пообещав французскому королю, что он объявит себя католиком и вступит в союз с Францией против Голландии и Испании, если французы предоставят ему такую военную и денежную помощь, которая сделала бы его независимым от Парламента. Переговоры продолжались несколько месяцев. Активную роль в них играла сестра Карла II и невестка французского короля обаятельная герцогиня Орлеанская – любимица обоих монархов. В 1670 году в Дувре между ними было подписано тайное соглашение. Спустя шесть недель после подписания этого договора прекрасная герцогиня неожиданно скончалась при загадочных обстоятельствах...

По-видимому, Карлу, решившемуся ради денег предать национальные интересы своей страны, самый важный свидетель его тайных переговоров с французским королём стал не нужен и потенциально опасен...

26 мая 1679 года – великая дата в английской истории. В этот день король подписал Habeas Corpus Act – закон, расширяющий и обеспечивающий основные права граждан против произвола власти. Среди прочих прав англичане получили свободу слова, которой

они наслаждались до тех пор, пока роялисты не одержали решительную победу, а король не начал открыто нарушать конституционные правила. Формально эту свободу никто, конечно, не отменял, но ни один писатель, которого правительство преследовало за "лживые" "пасквили" не мог избежать судебного преследования...

В 1685 году Карл II умер, и всем стало ясно, что великая многолетняя борьба между прерогативами Короны и привилегиями Парламента близка к развязке.

Глава III

Знатоки говорят, что знаменитая "третья глава" из первого тома "Истории Англии" Маколея, посвящённая описанию Англии в 1685-ом году, стала источником вдохновения для многих специалистов по социальной истории, работавших в XX веке...

NB Если мы хотим с пользой изучать историю наших предков, то мы никогда не должны забывать, что страна, о которой мы читаем, – это совсем не та страна, в которой мы сегодня живём.

В каждом человеческом существе есть желание улучшить своё положение. И этого бывает достаточно для того, чтобы двигать цивилизацию вперёд, несмотря на великие общественные бедствия и дурное управление.

Население Англии в 1685 году не может быть с точностью определено: тогда не было ещё регулярных переписей населения. По разным подсчётам и оценкам, население Англии составляло тогда около пяти с половиной миллионов человек – втрое меньше чем сегодня (1850).

О налогах можно говорить с большей уверенностью. В сравнении с источниками богатства, которыми Англия тогда располагала, государственные доходы были невелики (около полутора миллионов фунтов) и составляли не больше пятой части от доходов Франции. Однако этих доходов хватало для покрытия государственных расходов и выплаты процентов по долгам. Дело в том, что (в отличие от других европейских стран) англичане не тратили огромные деньги на армию. Старинные городские укрепления, разрушенные войной или временем, не восстанавливались. На возвышенностях вдоль побережья ещё можно было найти высокие столбы с бочками наверху. Когда-то эти бочки были наполнены смолой, которую сторожа зажигали при виде неприятельского флота, – и в короткое время население всего графства бралось за оружие. Но прошло уже много лет с тех пор, как эти бочки использовались в последний раз...

Единственной армией, признанной законом, была народная милиция. Всякий, кто имел больше 500 фунтов годового дохода со своей земли или владел недвижимостью стоимостью в 6000 фунтов и более, должен был вооружить и содержать на свой счёт одного всадника. Всякий, кто имел больше 50 фунтов годового дохода или владел недвижимостью стоимостью в 600 фунтов и более, должен был вооружить и содержать на свой счёт одного копейщика или мушкетёра. Таким образом содержалась народная милиция численностью в 130 тысяч всадников и пехотинцев. По закону, учения и смотры

этих сил не могли продолжаться больше 14 дней в году. В военное время расходы на содержание этой временной армии оплачивались из государственных средств.

Любая критика в адрес этого воинства, составленного из пахарей под командованием мировых судей, воспринималась как агитация в пользу регулярной армии, а отношение к постоянной армии в Англии было со времён Кромвеля резко отрицательное: при её господстве король был казнён, высшее дворянство унижено, поместное дворянство ограблено, а государственная церковь подвергалась гонениям. Впрочем, Карл II, при всей своей беспечности и расточительности, сократил некоторые расходы на свои удовольствия и нашёл средства на содержание королевской гвардии, численность которой постепенно увеличивалась, достигнув в 1685 году 1799 всадников и 7000 пехотинцев.

Однако на содержание флота, предназначенного для защиты от иностранцев и бесполезного при подавлении народных выступлений, парламентарии денег не жалели. Расходы на содержание военного флота составляли около 400 тысяч фунтов год. Но сверх того, флот и сам зарабатывал деньги на своё содержание. Главной статьёй дохода военного флота были доходы от перевозки золотых слитков и особо ценных товаров, потому что купцы доверяли этот груз только военным кораблям.

NB Самые богатые поместья в Англии давали около 20 тысяч фунтов годового дохода. А те, кто занимал высшие должности в правительстве, нередко получали жалование, которое превышало эту сумму (лорд-наместник в Ирландии, например, получал 40 тысяч фунтов год).

Маколей видит в этом одну из причин жестокой борьбы за власть в высшей администрации.

Пахотная земля составляла в то время около половины территории страны. Остальная земля не обрабатывалась или была покрыта лесами и болотами. Последние дикие кабаны были истреблены во время гражданской войны, а последний волк был убит в Шотландии незадолго до вступления Карла II на престол.

Количество потребляемого тогда пива было огромно, потому что многим оно заменяло и вино, и чай, и молоко, и воду (в некоторых районах больших городов вода была вовсе не безопасна для питья).

В 1685 году в Англии было около 160 тысяч йоменов – мелких, но независимых собственников земли, которые сами обрабатывали свои земельные участки. Число собственников земли было выше, чем число арендаторов.

В царствование Карла II ни один провинциальный город не имел больше 30 тысяч жителей. Только четыре из них имели больше 10 тысяч жителей. В лондонском Сити на каждые 10 домов приходилось тогда в среднем 55 жителей.

Маркиз Вустер незадолго до кончины Карла II создал паровую машину, которую он называл "огневодяным снарядом", и заявил, что эта машина будет со временем мощным двигательным орудием. Но маркиз подозревался в сумасшествии и был известен как

папист, и поэтому (!) его машина не получила никакого практического применения и была скоро забыта.

Англичане с изумлением говорили об огромной канаве, которой Людовик XIV соединил Атлантический океан и Средиземное море. Они и представить себе не могли, что, усилиями частных предпринимателей, Англия скоро покроется сетью каналов, длина которых будет превышать общую длину Темзы, Северна и Трента.

Несправедливая и нелепая подать, к которой люди уже привыкли, часто переносится легче, чем самый разумный налог, который нов.

4 шиллинга в неделю считались в 1685 году неплохим заработком для сельскохозяйственного рабочего. 4 пенса в день (с питанием) или 8 пенсов в день (без питания) были обычным заработком. Английские ремесленники часто запрашивали за свою работу по шиллингу (12 пенсов) в день.

Сахар, соль, уголь, свечи, мыло, одежда и обувь стоили в 1685 году (в сравнительных ценах) намного дороже, чем теперь (1848).

NB Из благ, которые приносит с собой цивилизация, огромную долю составляет общее достояние всех классов.

Отрадно думать, что английский народный дух, достигши зрелости, смягчился, и что мы, с течением веков, сделали не только умнее, но и добрее, чем в прежние времена.

А Россия и сегодня (2017) пребывает в пещерной дикости и злобе. 40% россиян не имеют унитаза. В тюрьмах сидят за насильственные преступления против личности сотни тысяч людей.

Сострадание, подобно всем другим чувствам, должно находиться под контролем разума, и, за недостатком контроля, оно приводит к плачевным результатам.

Может показаться странным, что общество, постоянно двигаясь вперед, постоянно оглядывается назад с нежным сожалением. Обе эти наклонности проистекают от недовольства нашим настоящим положением. **!** Казалось бы, неразумно и неблагодарно с нашей стороны быть постоянно недовольными нашим положением, которое (по сравнению с прошедшими временами) непрерывно улучшается. Но постоянное улучшение оттого именно и существует, что существует постоянное недовольство.

Политик, изгнанный враждебной фракцией, обычно видит оставленное им общество сквозь фальшивое стекло: всякое незначительное неудовольствие в обществе предсказывает ему политический переворот, во всяком сборище он видит народное восстание. Он не может поверить, что отечество вовсе не тоскует по нему так, как он тоскует по отечеству. Чем дольше изгнание – тем сильнее делаются его галлюцинации... Этот бред переходит почти в безумие, когда множество изгнанников, пострадавших на одном и том же деле, собираются вместе и начинают питать друг друга нелепыми надеждами на победу и мщение и толковать о том, чем они некогда были и чем они ещё могут быть. В этом коллективном безумии они делаются готовыми на предприятия,

которые назвал бы безнадежными каждый, кого страсти не лишили способности
соображать шансы.

"История" временами читается с интересом, но она настолько перегружена фактами, что осилить её полностью, вчитываясь в каждое слово и заглядывая во все сноски и комментарии, могут только специалисты по истории Англии. Я прочитал её "по диагонали" и лишней раз убедился, что история как наука занимает меня очень мало. Война и политика меня почти не интересуют, а между тем, именно война и политика составляет основной массив рассказов из истории всех государств и народов во все времена...

Последний (16-ый) том включает в себя портреты многих политиков, литераторов и т. д., упоминаемых Маклеем в его сочинениях.